

АЛЕКСАНДР ИВАНИЦКИЙ

ЛОМАННЫЕ УШИ

КНИГА ВОСПОМИНАНИЙ

И кажется мне, соловей на ветке...

Побережье Уссурийского залива... Санаторий жёлтого окраса в стиле сталинской эпохи, с колоннадами, лепниной и бронзовыми люстрами. На завершающей стадии подготовки к Токийской Олимпиаде именно он приютил борцов, штангистов, боксёров, гимнастов и дзюдоистов.

Оказавшись в столь разношёрстной компании, мы быстренько наводим мосты, прежде всего, с боксёрами. Они парни свойские, как и большинство из нас, с городских окраин. За вожака у них Валера Попенченко: напорист, скуласт, стрижен накоротко, слегка картавит. У него узкий лоб в зигзагах морщин, наверное, от привычки с прищуром нацеливаться на челюсть противника и бить по ней с ювелирной точностью. Из всех иностранных языков Валерий в совершенстве владел лишь тарабарским наречием. Сам тому свидетель. В Мехико-Сити нас порядочно набилось в такси, и лишь Валера с комфортом расположился на переднем сидении, безостановочно болтая с водителем: “Амиго! Как насчёт мадамс, в смысле, бэби успел настругать?” Уловив знакомое словцо, таксист горделиво показывает Попенченко растопыренную пятерню, с прижатым к ладони мизинцем. Валера по-приятельски похлопывает его по плечу: “Квадро гуд! Маньяна чинко — ферштейн?” — и оба заливаются таким хохотом, что нас берут завидки.

У Бориса Лагутина нет и намёка на Валерину бесшабашность. Он похож на голенастого подростка, тянущегося ввысь. Как при такой худобе ему удаются хлёсткие удары — не понимаю. С его точки зрения, качков на ринг выставляют для понта. На них клюёт публика-дура! У настоящего профи всё должно быть неброско: сухая фигура и для резкотухи — тягучие мышцы. Лагутин своим обликом напоминает, как бы странно это ни прозвучало, братьев Старостиных. У знаменитых футболистов поморская узколикость и умение держать спину прямо. Такие типажи остались в прошлом. Они запечатлены на групповых фотографиях полных Георгиевских кавалеров периода Первой мировой войны. В середине сбора выяснилось, что мы с Борисом чуть ли не кровные братья. Оказывается, нас обоих оженити Татьяны, которые учились в одной и той же центральной школе, в одном и том же классе и пели в одном и том же хоре.

А с Лёшей Киселёвым нас сроднила панельная пятиэтажка в Кунцево. Он жил в однушке на первом этаже, а я в своих двух комнатах пролётом выше. Стреляем друг у друга по четвертному — до зарплаты. По какому-то случаю решили сообразить на двоих. Штопора ни в его хозяйстве, ни в мо-

ём не оказалось. Пробовали пропихнуть пробку в бутылку пальцем, карандашом, отвёрткой — всё тщетно. Разошлись несолоно хлебавши. А надобно было хорошенько взболтнуть посудину и садануть ей ладонью под зад — всего то и делов!

Если по лампочке раз сто постучать пальчиком, она сдохнет от сотрясения мозга. Теперь уже и не припомню — кто, скорее всего, кудесник ринга Виктор Агеев раскрыл мне самую оберегаемую тайну бокса. За спаррингами Агеева я не мог наблюдать равнодушно. У него особый стиль ведения боя: руки опущены, но удары соперников месят пустоту. Виктор мягко ускользает от атак уклонами.

С гимнастками свести знакомство оказалось куда сложнее. Они ходят по балетному, ну, прямо-таки фу-ты — ну-ты! На кого ни глянь, знаменитости: Лариса Латынина — вся из себя прима. К ней не подступиться. Полину Астахову газетчики окрестили “берёзкой”. Она и ведёт себя соответственно навязанному ей образу. Тонкая и печальная, она проходит среди нас бестелесным видением. Лишь губастик Людка Громова, несмотря на выжатые из нас соки, будоражит наше борцовское естество.

Среди всех несколько неуверенно чувствуют себя дзюдоисты. Бедолагам и впрямь не позавидуешь. Наши самбисты не так давно переодели в кимоно. Они-то понимают, что самураи, камикадзе и всякие там ниндзя вкупе с арбитрами проходу им на Олимпиаде не дадут...

В нашем тренерском штабе напряжение. Японцы — одни из основных соперников в Токио — заявили к нам летом, затем поехали к румынам, от них подались в Болгарию, а напоследок завернули в Иран. Дякин, узрев подвох в их необычной системе подготовки к Играм, задёргался сам, а заодно накрутил и всех тренеров, да так, что те пуще прежнего надели на нас. Ребят воротит от ковра, а они знай своё — увеличивают и увеличивают нагрузки. Мы с Медведем сбежали от такой кутерьмы в сопки. Лазим себе в охотку по склонам, по урочищам, дивясь на всякие там пробковые деревья, китайский лимонник, дикий виноград, маньчжурский орех и корейские пихты. Утомившись, разжигаем костёр и печём картошку. Иногда, прихватив паука-малявочника, длинную палку с колёсиком на навершии, верёвку, черпак и ведро, отправляемся в бухту рыбалить. Пропустив верёвку через блок, опускаем сеть, натянутую на обод, на дно и, чуть подождав, вытаскиваем её на поверхность и ковшиком вычерпываем из провисшей середины серебристую мелочь.

Местные смотрят на нас, словно на придурочных. Им подавай чилимов — мелких креветок, которых подцепляют с бережка приспособлением, похожим на сачок для ловли бабочек. Чилимы так и прыскают перед ловцом, стоит ему лишь забрести в воду по колено. Этой креветочной мелочью местные подкармливают кур, или, отварив в присоленной воде, торгуют у пивных ларьков вместо семечек.

Забредя в поисках чтива в санаторную библиотеку, я случайно наткнулся на томик стихов японского классика Мацуо Басё:

*Ива склонилась и спит,
И кажется мне, соловей на ветке —
Это её душа.*

*На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.*

*Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине.*

*Цветы увяли.
Сыплются, падают семена,
Как будто слёзы...*

Почти неосозаемые акварельные мазки запечатлели убегающий миг в нескольких строках на века. Каюсь, я совершил преступление и “зачитал” Ба-сё с концами.

Ту-134, приземлившись в международном аэропорту Ханеда, вызвал у японцев переполох. Поданный к самолёту трап не достаёт до дверного люка. Промаявшись в чреве лайнера примерно с полчаса, мы, в парадных костюмах бежевого цвета, спускаемся с небес на бетонную твердь и сразу попадаем в окружение непривычно нахрапистой для нас репортёрской орды, вооружённой до зубов фотоаппаратами, кинокамерами, микрофонами.

Наш руководитель — импозантный председатель Спорткомитета Машиин — с места в карьер ошеломляет представителей прессы сенсационным заявлением:

— Советские атлеты готовы завоевать на Токийской Олимпиаде сорок пять золотых медалей!

Всё вроде логично. В Риме мы вышли на сорок три. Но я ёжусь от этих слов. Юрий Дмитриевич вроде дружит с головой, а взял и сказал “гоп”! Не рановато ли? В остальные его речения стараюсь не вникать, сочтя за лучшее повторить про себя партминимум нужных для общения с японцами слов: “коничива” — здравствуйте, “домо аригато годзаймасу” — большое спасибо, “сайонара” — до свидания. Помимо этого, у меня в запасе есть ещё парочка английских расхожих выражений, например, “ченч” — в смысле давай махаться сувенирами! С любопытством таращусь на транспаранты с загадочными иероглифами, цветастые гирлянды, бумажные фонарики и стяги стран-участниц Игр. Похоже, что флаг Страны Восходящего Солнца — самый чистогольный из всех. Его красное-красное солнышко на глазах у всей страны ежевечерне окунается в океан и ежеутренне отмытым выныривает из него. Водитель нашего автобуса в капитанского покроя фуражке, в белых перчатках на нерегулируемых перекрёстках притормаживает и, не выходя из машины, вежливо кланяется шофёру другого авто, уступая ему право поворота. Его визави проделывает то же самое...

Нас сопровождает гид-переводчик Ниидзима-сан. Он практикант. Ему “очень хотеть читать Толстой”. Обликом Ниидзима схож с сумоистом: широк, дороден, солиден. Хвалясь своими свадебными фотографиями, он светится от довольства, мол, его невеста весит всего тридцать восемь килограммов: “Осень маленький... миниатюр!” Судя по возникшей паузе, переводчик исчерпал запас заготовленных фраз, и мы прилипаем к окнам, ведь первые впечатления, на свежака, самое оно!

Изгибы хайвэя напоминают трек с кривизной на поворотах. Машины мчат на высоте птичьего полёта, лихо обгоняют наш автобус слева, справа. Их капоты подрагивают от вибрирующих моторов, выхлопные газы машин нещадно “озонируют” столичный воздух. Высокоскребные дома, деля небо на сектора, теснят друг друга. Мы попадаем в пробку. На тротуаре людской поток равнодушно обтекает цокающую деревянными котурнами-гета японку, спеленатую в узорчатое кимоно, в причудливо причёсанном парике, с непроницаемым, фарфоровым от белил личиком, с насурьмлёнными бровками и броско намалёванными алыми губками бантиком. В автобусе почему-то гоготнули: “Гейша!”

Олимпийская деревня Йойоги схожа с казарменным городком, обнесённым сетчатой оградой. Но если не обращать внимания на бараки и аскетическую обстановку комнат — стол, тумбочка, кровать, — то выглядит всё вполне пристойно. В нашем распоряжении обширная парковая зона, пруды, спортзалы, клуб, почта и... велики. Они припаркованы у подъездов — бери любой и кати, куда пожелаешь. Приехал, куда надо, — оставляй стального коня в стойле. Возвращаешься до дому, до хаты — осёдлывай любой свободный велосипед.

В столовых “Фудзи” и “Сакура” — еда на любой вкус: латиноамериканцам — проперчённая, индийцам — вегетарианская, европейцам — европейская, американцам — фастфуд, китайцам — кисло-сладкая. Но большинство прельстилось тигровыми креветками в кляре, набирают их тарелками,

да ещё и с горой. Японцы, потеряв дня три, ограничивают их потребление двумя штуками на брата.

В клубе по вечерам не протолкнуться. Битлов крутят через раз. На танц-поле от твистующих пар валит столбом. Наш могучий метатель молота Ромуальд Клим, завидев расходившихся танцоров, осуждающе ворчит:

— Вот эти-то всё и профукают. Им всё гопанки подавай!

У меня распозлились скрепы на надбровье, рассечённом в спарринге с Медведем. До старта остаётся всего ничего и, опасаясь за цельность шва, отправляюсь искать медпункт.

Наших соперников-американцев разместили недалеко от нас. Ранним утром из их блока выползают две заспанные фигуры со звёздно-полосатым полотнищем, сложенным, словно детская пелёнка. Вздв знамя на мачту, они при звуках гимна замирают по стойке “смирно”. Его мелодия почему-то подозрительно смахивает на старинную казачью песню “Хазбулат удалой, бедна сакля твоя...”

Впрочем, всеми этими впечатлениями я лишь стараюсь глушануть себя. Моя Танюшка вот-вот должна родить. Брат через третьих лиц передал мне, что отвёз её в роддом, и умолк! А сегодня от него пришла телеграмма, мол, всё в порядке! Ну, как тут не взбеситься? Если Таня родила, то кого? Дома телефона нет. Когда здесь утро, в Москве полночь. Мобильников ещё нет и в проекте. Спасибо вождю всего нашего комсомола Сергею Павлову. Он по своим каналам выяснил, что Татьяну доставили в больницу раньше положенного срока, и она, заскучав в палате, сбежала обратно домой.

10 октября 1964 года в 9:00 фанфары возвещают о начале парада Торжественного открытия XVIII Олимпийских летних игр. Настроение у меня хоть куда: жена разродилась дочуркой, и небо, устав плакаться дождями, наконец-то заголубело. Мои друзья по команде уверены, что я назову дочь Олимпиадой! Посмотрим! Оглядываюсь, стараясь высмотреть товарищей, потому что нас развели по разным шеренгам. Мы с Медведем вышагиваем в баскетбольных рядах. Впереди лишь руководство и Юрий Власов. Триумфатору Римской Олимпиады доверили нести наш *молоткастый, серпастый* стяг. Он несёт его не как все, упирая древко в поясищу, а в вытянутой руке. Мол, пусть видят советскую негибаемую мощь! Жаль, что Юрий не склонил, хотя бы чуть-чуть, наш флаг, проходя мимо правительственной ложи. Нравится кому-то император Хирохито или нет, а протокол протоколом. Хорошо, что девчата, знай себе, машут алыми шейными шарфиками всем без разбора. Стадион приветствует их трепетом вееров, да так дружно, что ещё вот-вот — и опахала бабочками взмоют ввысь...

Трибуны в едином порыве схватываются, завидя на беговой дорожке стадиона факелоносца Ёсиноори Сакаи. Рождённый в ядерном смерче Хиросимы, он для японцев олицетворение бессмертия. В чаше вспыхивает огонь, и восемь тысяч белых голубей устремляются к олимпийским кольцам, начертанным в небе пятёркой реактивных истребителей...

На старте нашей сборной выпадает удача из удач. Первую из разыгранных золотых медалей завоевывает Алексей Вахонин, штангист из города Шахты. Такой запов для любой команды много значит. Теперь есть на кого равняться! Журналист Паша Михалёв предпослал своему очерку об Алексее в “Комсомолке” хлёсткое заглавие: “Первый парень на деревне”. Лучше не скажешь. Весть об успехе севастопольской школьницы Гали Прозуменчиковой на дистанции 200 метров брассом распространяется среди нас молниеносно. Совсем ещё девчонка, она отважилась утереть нос американцам. Хотя в плавании их догонять и догонять. У них Дон Шолландер добыл четыре золота!

Борцовский турнир проходит под сводами гимназического комплекса “Камадзава” на трёх коврах, так что за всем происходящим не уследишь. До моего укрытия в раздевалке доходят лишь обрывки нервирующих вестей: Хоха выигрывает, но лишь по баллам... срезался Бериашвили... у Алика вроде всё путём, но его подводит скоростиска... совсем худо у Ломидзе — ничья в первой схватке, выиграл вторую и остушился в третьей. Понятно, что после всего случившегося давление на нас с Александром возрастёт стократ. Пока справляюсь с нервишками. Венгра Резнака “уговорил” за две минуты

с хвостиком. С остальными тоже сладил без особых хлопот. На очереди Ларри Кристофф. Этот может преподнести сюрприз — самого Дитриха обыграл.

Пытаясь отвлечься, раскрываю “Советский спорт”. Первая страница газеты — сплошь в портретах космонавтов. “Спускаемый аппарат “Восход” приземлился в заданном районе. Комаров, Феоктистов и Егоров чувствуют себя отлично”. Ничего себе! Шестнадцать разочков шарик облетели! Вот у них, если что, всё висит на ниточке — пан или пропал! А я сижу себе в тепле и нюни распускаю!

Ларри Кристофф пританцовывает в углу ковра, пытаюсь распознать мой настрой. Он чуть ниже меня, упругист, нахален, авторитеты ему нипочём. Выигрывает, проигрывает — всё одно, лезет напролом, как принято у американцев. Если сейчас обойду Ларри, то в финале выйду прямиком на Лютви Ахмедова. Ну, а если продуюсь, то получу... фигу с маслом.

Ларри купился на одну из моих уловок. Но победа далась нелегко. Её пришлось вырывать. Спускаюсь с помоста полностью опустошённый, с единственной мыслью — лечь поскорее под Шустера. Только он может избавить меня от крепатуры, сковавшей мышцы. На сборах этот виртуоз массажа потеет надо мной час-полтора: крутит, вертит, отрывает мышцы от костей и, в конце концов, вводит меня в беспробудный сон. Уловив во всеобщем гаме объявление судьи-информатора: “Эриксон, Швидеш — Мэдвед, Совет Унион”, — притормаживаю. Пропустить такой поединок грешно. Тем паче, что у помоста собрались почти все наши: Дякин, Ялтырян, Айдын и ещё не остывший от поединка с Оганом Гурам Сагарадзе. Ничья с турком и провес на контрольном взвешивании в полтора килограмма лишили Гурама золота. Обидно за него до боли...

Саша, доведший себя сгонкой до кощевой кондиции, с ходу атакует шведа и сажает его своим коронным зацепом на пятую точку. Но швед, извернувшись, сам ставит Медведя на мост. Прихватив мёртвой хваткой Сашкину шею, он для устойчивости разбрасывает ноги циркулем. Медведь вздыбливается. Его лицо наливается багровой синью. Не тут-то было. Эриксон начеку и вот-вот сломает Александра. Арбитр распластался на мате, чтобы не упустить миг касания ковра лопатками. В зале бедлам. Шведские фаны взбеленились. Надрываемся что есть мочи и мы:

— Держись! Уходи! Мости круче!

Мне кажется, что я перекричал всех. Захлебываюсь... Поняв, что срываю связи, всей душой желая... поражения другу. И тогда, сгорая от стыда за самого себя, я захожусь в иступлённом крике, чтобы задушить всколыхнувшуюся во мне нечисть. Александр, разорвав захват, устраивает шведу бультерьерскую трёпку...

Назавтра мне предстоит финальный бой. Надо во что бы то ни стало выспаться. Пытаюсь забыть в картёжной игре. Тупею от подкидного, а сна ни в одном глазу. Хотел было испробовать брумелевский рецепт — оглушить себя стаканом водки, но от спиртного меня воротит. На пол от моего верчения сползает подушка, одеяло, скручивается простыня. Я сижу торчком на кровати, потный от кошмарившего меня сна.

Двери хлопают нараспах. В раздевалку вваливается ватага развесёлых болельщиков. Они пришли передать мне привет от пионерии Владивостока! Сергей Андреевич рыкнул на них так, что они тут же ретировались. На смелую им заявляющаяся корреспондент Гостелерадио Нина Ерёмкина, в свою бытность нападающая женской сборной СССР по баскетболу:

— Всего несколько слов для слушателей “Маяка”...

Я набрасываюсь на неё чуть ли не с кулаками:

— С катушек что ли, мать, слетела? А ну, вали отсюда! У меня финал, понимаешь, дурында!

Для золота мне достаточно ничьей, Лютви нужна только победа. Рисковать, лезть на рожон мне ни к чему. Отсиживаться, уходить в глухую оборону — тоже не след. Волкодавы-арбитры мигом вкаты предупреждение за пассивность, а затем влепят поражение! Следует запудрить мозги Лютви, судьям, залу так, чтобы никто не распознал обманность моих финтов! Надо наседать на болгарина, тормозить его, пугать ложными атаками, не позволяя

ему сосредоточиться, и всё на грани возможного. Ахмедов наверняка помнит урок, преподанный мною Каплану, и на рожон не полезет, будет и сам осторожничать.

На помосте, ожидая свистка арбитра, не могу унять охвативший меня тряский зуд. Мне бы глубоко вздохнуть, загнать мандраж в подкорку, оглохнуть, закутавшись в непроницаемый для гвалта кокон, да перехватить ободряющий Серёгин взгляд...

Минуты за три до окончания поединка с Ахмедовым я осознаю тщетность всех его попыток прорваться сквозь мою “наступательную” тактику. И меня словно подменяют, словно освобождают от пут... Я схожусь с болгариним в крестном захвате и ускользаю от него... Хочу — подсекаю, а нет — так, поднырнув ему под руку, захожу за спину, валю, но, к своей досаде, за ковёр. У меня возникает чувство невесомости...

Когда, уже в ранге чемпиона, я сошёл с помоста, Ялтырян сделал какой-то неопределённый жест с завихрением:

— Эф...та! Знаешь, ты боролся... эфта... как бог!

Он что-то ещё хотел сказать, но не нашёл подходящего случаю выражения. Серёга, скупой на похвалы, тоже сбился на радостные восклицания:

— Налетался наяву?

Он всё понял, ему ничего не надо было объяснять. Утром в “Йойоги” на общем построении нам с Медведем вручают гвоздики, знаки “Заслуженных мастеров спорта СССР” и торты. Впрочем, начальству не до нас. Они шепотком обсуждают внезапный отъезд Павлова. Накануне, получив правительственную телеграмму “Папа заболел”, он вылетел в Москву.

А Медведя пригласили на телешоу. Усаживая его в машину, переводчик напутствует водителя:

— Будьте осторожны. Вы везёте национальное достояние страны!

Надо же! Весомая оценка! Никогда дотоле мне не доводилось воспринимать успехи в спорте под таким углом зрения. Надо бы обдумать всё хорошенько. А пока всем радостям я предпочитаю бассейн. Окунув лицо в воду, отфыркиваюсь, плаваю, через силу вяло загребая руками. Измочаленный поединками, я ни на что иное просто не способен. Мне не приходит в голову, что отныне мы с Александром преобразили тяжёлый вес. Его станут олицетворять не увальни с надутыми пивом животами, а сухопарые бойцы типа Медведя, Айика, Андиева, Мусульбеса, Ярыгина и великого великана Карелина. Именно такой типаж будет теперь утверждать своё превосходство на международных турнирах. Но, отупев от ковра, я не прозреваю ни своего, ни Сашиного будущего.

На следующий день отправляюсь с Александром в район Акихабара, чтобы на тамошних развалах прицениться к “барахлишку”. Суточные выдали по обычной мерке, по пятнадцать долларов за день, и хватать перед отъездом наспех всё что ни попадя не годится. От обилия товаров трещит голова. Хочется много чего и сразу. Забреем в ресторанчик с муляжами блюд в оконной витрине.

— Берём что-нибудь эдакое японское, а то дома и похвастаться будет нечем, — предлагает Медведь. Он прав. Опасаясь за свои желудки, мы не прикасались к диковинным для нас суши и сашими. Методом тыка заказываем лашшу с фаршем и овощами, ну, и, конечно же, пиво. Лапша оказалась хоть и переперчённой, но вполне съедобной. Нам оставалось выяснить название японского кушанья. Оказывается, мы угостились... спагетти, а пиво пили баварское. Ушли из ресторанчика сытыми, но разочарованными, и буквально уткнулись лбами в двери стриптиз-клуба. Соблазн оказался ересчур велик. На всякий пожарный случай оглядываемся — нет ли за нами хвоста — и проشمываем внутрь совершенно запретного для “руссо туристо обличко морале” заведения. На сцене — платиновые европейки, явно не из высшей лиги. Они сладострастно елозят по никелированным шестам. Вокруг нас возбуждённо сопят японцы преклонного или близкого к нему возраста. Нам, здоровущим кобелям, здесь явно не место, и мы тихой сапой выбираемся из полутёмного зала, пропахшего потом и дешёвой косметикой.

Заявление ТАСС об освобождении Н. С. Хрущёва от всех занимаемых должностей вытесняет отчёты о перипетиях олимпийских баталлий на задние полосы газет. Наши руководители пребывают в состоянии “гrogги”. По чьей-то указке сверху меня назначают руководителем “агитационной группы”, составленной из журналистов-международников и деятелей молодёжных организаций. В сложившейся ситуации ей вменяется налаживание мостов с прогрессивной японской общественностью.

В Йокогаме нашу делегацию приглашают в клуб “Поющие голоса”. С удивлением обнаруживаю, что три шёлковые струны сямисэна навевают такую же грусть, что и нашенская родимая балалайка, и что в Японии принято отдариваться за гостеприимство песней. Мне — “главе” делегации — пришлось отгудаться за всю нашу честную компанию. После первого куплета “Распрягайте, хлопцы, коней, та лягайте спочивать...” я понял, что более ничегошеньки не помню. От позорного провала меня спасает чайная церемония.

— Надо участвовать, — обращается ко мне переводчица. Персонально для меня нагревается вода в чайнике “тэцубин”, в фарфоровую чашечку насыпается зелёный чай “маття”, его взбивают бамбуковым венчиком “тясэн”. Ведущая церемонии медитирует, погружая в своё состояние и меня. Вспененный чай горчит, но конфеты из рисовой муки приглушают это ощущение.

— Обратите внимание, — едва уловимым голосом произносит переводчица, — на чашке изображён мотив осени — опавший лист. В Японии рисунки на чашечках для чайной церемонии меняются в зависимости от времени года.

Токийский рыбный базар открывается ни свет ни заря. Он представляет собой скопление свежей, замороженной, копчёной, сушёной, жареной, печёной, вяленой, солёной, мочёной, квашеной, маринованной океанской живности, и всё это обилие раскупается в часы.

В Нагое нам удалось попариться в сельской баньке, сомлеть в горячем серном источнике, искупаться в тёплом озере в скалах. Женщины плескались в нём вместе с мужчинами, целомудренно отвернувшись лицом к стеночкам, позволяя лицезреть лишь свои оголённые плечики. Второй этаж бани отведён под буфетную. Чай бесплатен. Еду заказывают здесь же или приносят в узелочках из дома. Если кому-то захочется вздремнуть, то он спокойно укладывается спать тут же на циновках в проходе меж низеньких столиков.

В Хиросиме едва не теряю золотую медаль. В госпитале для жертв атомной бомбардировки меня попросили заходить в те палаты, перед которыми висят разноцветные гирлянды бумажных журавликов. По поверью, даже безнадежно больной пациент, успев выкроить их тысячу, пойдёт на поправку. Мою медаль больные передают из рук в руки, от койки к койке. Их пергаментные лица, скроенные из доскутов кожи, хоть на миг, но светлеют. В самолёте я принимаюсь лихорадочно перетряхивать ручную кладь, выворачивать карманы в поисках медали. И только прилетев в Осаку, обнаруживаю её засунутой в чемодан.

Игры... Игры... Игры! Они не дают забыть о себе даже в поездке. При малейшей возможности прилипаю к телеэкрану. Меня гложет досада, что мой закадычный друг, Виктор Лисицкий, упустил золото, оставшись при четырёх серебряных медалях. Ему, видимо, не хватило жесткости. Даже выигрывая, он ведёт себя извинительно по отношению к сопернику. У гимнастов вообще не понятно, что творится. Чешка Чаславска выиграла три золотых медали, а Лариса Латынина лишь две. Хорошо, что Ромуальд Клим тряхнул старинной, и Тамара Пресс к своему римскому золоту добавила ещё две медали той же пробы. Молодцами показали себя и наши фехтовальщики, впервые одержав в сабле командную победу. Особенно рад за Бюрю Мельникова, потому что мы с ним блокадники и лесгафтовские однокашники.

Мне повезло застать концовку битвы штангистов-тяжеловесов. Пропащенный американец Шемански, “закурив”, то есть выбыв из турнира, наблюдает со стороны за баталией Власова с Жаботинским. После жима и рывка Юра опережает Леонида на целых пять килограммов. К тому же он

легче запорожского казака на полтора пуда. Но штангисты — тихушники, и поди знай, кто на что в действительности способен...

Третье заключительное движение — толчок. Жаботинский берёт два центнера, а затем затаивается. Власов начинает с 205 килограммов и покоряет вслед 210. Жаботинскому нужно идти ва-банк. На штанге устанавливается умопомрачительный вес — 217,5 килограммов, что на 2,5 кг превышает мировой рекорд. Спортзал “Сибуя” наэлектризован до предела. Меня тоже берёт оторопь. Не понимая, где зарыта собака, я хребтиной ощущаю, что передо мною разворачивается трагедия.

На помосте Леонид Жаботинский. Он пудрит магниезией ладони, затягивает потуже пояс. Примерившись к штанге, вздёргивает чуть повыше колен и с лязгом роняет снаряд на помост. Зал разочарованно ухает! Скособокас и припадая на ногу, Леонид ретируется за кулисы. По всему видать, запорожец спёкся, и, значит, Юрий уже победитель. Ну, а если одолеет рекордный вес, то станет чемпионом всех времён и народов. Власов выходит на подиум. Резкий рывок с подседом... штанга на груди... рессорный прогиб в пояснице, перед заключительной фазой движения штангу уводит чуточку вперёд, и она сползает на помост. Вес не взят!

Жаботинский тут как тут. Он свежее свежее. Никаких тебе ужимок, никакой тебе хромоты. Свои подшучивают над ним:

— Что такое нечистая сила? Это неумытый Жаботинский!

Мытый или немытый, но Леонид посылает в нокаут героя Рима. Он взмётывает строптивую штангу легко, будто хворостинку. Хитёр хохол! Это ж надо было, так разыграл спектакль. Лицедеи из лицедеев могли бы ему позавидовать.

Древняя столица Киото: старинные пагоды, парки, храмы. Особой популярностью у туристов пользуется императорский дворец Госё, то есть “Высокопочитаемое место”. Он воплощение китайской пышности и японской изысканности. Доступ в него ограничен. Но мы запаслись специальным разрешением, и наша крохотная делегация отправляется на осмотр. Прежде всего нас впечатляет крыша пагодного изгиба. Она из многослойной кипарисовой “черепицы”. Её заменяют через каждое тридцатилетие. Потомственные мастера выискивают в горах особой породы кипарисы и, ошкурив их, выкраивают из коры “дранки”. Торец крыши украшен орнаментом из резных хризантем — символа императорской семьи. Проходим по анфиладам покоев с раздвижными дверями “фусума”. На них изображены цапли, тигры, сакуры. Планки отполированного до блеска пола слегка поскрипывают, оповещая хозяина о непрошенных гостях. Тронный зал поражает аскезой, если бы не богато декорированное кресло из красного сандала, инкрустированное перламутром. На заднем панно изображены павлония, бамбук и птица феникс насыщенного синего цвета.

В северной части дворца покои императрицы, принцев, принцесс. Чуть поодаль — цветочные апартаменты и крытая галерея, доступная всем ветрам. “Как стремится сердце в зал прохлады, откуда я смотрел на луну над холмами Сагасияма”. Хокку написано императором, с тоской вспоминая безмятежные времена, проведённые им в Киото. Ознакомившись с достопримечательностями дворца, направляемся в парк, пронизанный тишиной. В нём совсем не слышно шагов, потому что под ногами ковер из мха. Заморосил беззвучный дождь. Его капли, не тарабаня, хоронятся в губчатом мху. По ходу мы набредаем на “каменистое русло ручья”. Мох подобран садовниками так, что создаёт впечатление бурлящего потока. Кажется, что зелёно-голубые струи журчат, обтекая нагромождение валунов, а чуть ниже, на изломе, kloкочут водопад. Серо-зелёные пряди мха, струясь, крушат скалы...

После очередной экскурсии обнаруживаю, что забыл переобуться и уехал в музейных шлёпанцах. Ботинок моего размера в Стране восходящего солнца отродясь не производили. И всё оставшееся время мне пришлось щеголять в борцовках, в том числе и на официальных приёмах.

Американцы в Токио нас обошли. В неофициальном командном зачёте они завоевали 38 золотых медалей, мы — 30. Но у каждого своя бухгалтерия. Начислив за золото, серебро и бронзу соответствующее количество

баллов, мы заявили миру, что вышли вперёд. У меня другой подход. Олимпийский лозунг гласит: “Быстрее, выше, сильнее”. Согласно этой триаде в скоростных видах спорта США, безусловно, опередили нас. Что же касается “выше”, то Валерий Брумель перепрыгал самого Джона Томаса, “бостонского кузнечика”.

Ну, а по части силы нам не оказалось равных. Наши тяжелоатлеты добились четыре золота: Вахонин, Плюкфельдер, Голованов и самое престижное золото у Жаботинского. На ринге никто не смог остановить Степашкина, Лагутина и Попенченко. К нашим с Александром медалям добавилась “классическая”, завоеванная А. Колесовым. Ну, и как тут не прибавить к золоту четыре бронзовые награды наших дзюдоистов. Им крепко досталось. Их засуживали. Олег Степанов шваркнул Накатани спиной на татами. Как писали потом об этой схватке газеты, ошарашенный японец лежал, боясь открыть глаза, но арбитр... не заметил броска! Так что бабушка надвое сказала, кто кого в Токио одолел — американцы нас или мы их! А сам я до сих пор не осознал, что навечно зачислен в члены клуба олимпийских чемпионов. Быть может, тому виною путаница, привнесённая в мою жизнь Большой советской энциклопедией. В ней помещена фотография с изображением Анатолия Колесова, сопровождаемая подписью: “Чемпион Токийской Олимпиады А. Ивашицкий”. Так что я вроде бы есть, но меня как бы ещё и нет.

Кстати, Анатолий чуть не окочился, дожидаясь своего золота. Он вроде бы сделал всё, и предстоящая схватка поляка со шведом ничего для него не значила. Почти на сто процентов первое место оставалось за ним, так как оба соперника встречались между собою четырежды, и всякий раз побеждал поляк. Но ведь могло случиться, что на сей раз швед положит поляка на лопатки. Тогда судьбу медали определит взвешивание. Колесов не принадлежал к числу рьяных стонщиков, но четыре килограмма для “скоростишки” попридержал. Весок сбавился и по ходу турнира. И, тем не менее, уповать на авось он не захотел. На раздумья у него оставалось полчаса, и Колесов подстраховался. Он напялил на себя кучу спортивных костюмов, закрылся в душевой и открыл все краны с горячей водой. Окутанный клубами пара, Анатолий имитировал броски, вёл бой с тенью, а затем плюхнулся в ванную, наполненную почти кипящей водой. Его обыскали, торопясь сообщить, что он чемпион, а Колесов в полуобморочном состоянии лежал, распластавшись, на кафельном полу в душевой.

В аэропорту Ханэда, на подходе к паспортному контролю меня отыскивает посыльный и вручает коробку... с моими ботинками. До сих пор не понимаю, каким образом они вычислили меня, но факт остаётся фактом.

Волостной писарь

Рыжий облезлый котяра ночи напролёт мяучит под моим окном. Подтекающий кран долбит каплями по раковине, а заодно и мне по мозгам. Настенные часы каждые полчаса будят меня хриплым боем...

Всё это означало, что нервы у меня на пределе и, значит, пришла пора завязывать с большим спортом. Брат в Египте возводит Асуанскую плотину. А что представляю собой я со всеми своими медалями в тридцать лет? Ноль без палочки! Профессии никакой, разве что податься в тренеры... или в грузчики. Чемпионы — никудышные наставники, потому что они, как ни крути, своего рода везунчики! Кого воспитали Юрий Власов, Вячеслав Иванов, Валерий Брумель, Лидия Скобликова, Ирина Роднина и иже с ними? Хотя, конечно, нет правил без исключений. И тем не менее... Кто бы мог подумать, что спортсмены — это великовозрастные дети. С ними панькаются, их кормят, обувают, одевают, врачуют, наставляют, возят по городам и весям, одаривают призовыми игрушками. А потом вскормленного бесчисленными “нянями”, ни к чему не приспособленного, выставляют за порог. И они гибнут — подобно мухам, увязшим в меду. Алексей Вахонин ушёл из спорта. Ни образования, ни профессии. Полез в шахту. Но штангисту ворочать, не разгибаясь, уголёк лопатой целую смену — работа непосильная. Для такого труда нужна особая сноровка. Раз — простыл, два — продуло.

Сошёл с дистанции, запил. Выгурили из бригады. Пристроился рыть могилы. Попёрли и оттуда. Так и слетел с катушек.

Ну, допустим, останусь в спорте до последнего и выиграю пятую, а затем ещё и шестую чемпионские медали. Что изменится во мне самом? Уйти непобеждённым — глупо! Взять хотя бы Ивана Поддубного. В свои 53 года, уступив Чуфистову, обронил с досады: “Эх Ваня! Не у меня ты выиграл, а у моей старости!” Примерно так я начал рассуждать задолго до Олимпийских игр в Мехико-сити, решив податься в журналистику. Если допустить, что из меня всё же получится пристойный наставник, то я смогу окучить не более сотни ребятишек. А если напишу дельную статью, то помогу тысячам... А грузчика оставлю на потом.

Но совершенно неожиданно мне предложили попробовать себя в качестве инструктора отдела спортивной и оборонно-массовой работы ЦК ВЛКСМ. Откладывая журналистику на будущее. Баба Мотя, проведав о моём назначении, всполошилась. По её соображениям, меня вознесло чуть ли не вровень с генеральным начальником всей страны. Пришлось ей объяснять, что мои обязанности гораздо скромнее и чем-то схожи с полномочиями волостного писаря.

Впоследствии выяснилось, что я замыкал список кандидатов вслед за Власовым, Пресс и Попенченко. Валера заартачился и на меньшее, чем заводилом, не соглашался. Какие условия выставили другие, не знаю. Сам я никаких требований не выдвигал, спецификой работы, тем более аппаратной, не владел, но идея способствовать развитию дворового футбола меня грела. Однако моя комсомольская карьера сразу же не задалась.

Для оказания психологической поддержки олимпийцам ЦК ВЛКСМ направил в Мехико-сити творческую бригаду, в которую вошли Пахмутова, Добронравов, Френкель, Миронов, Магомаев, Крамаров и Лещенко. Меня пристегнули к этой группе в качестве непонятно кого. В паузах между выступлениями артисты, композиторы, певцы и киноактеры превращались в заядлых туристов, спеша покататься по каналам Сочимилько, увидеть остров кукол, деревья которого увешаны детскими игрушками с выпученными фарфоровыми глазами, оторванными руками, ногами, губами, перепачканными красной краской, — дань древней традиции индейцев, отрезавших головы своим жертвам; зайти в кафедральный собор, поглазеть на резиденцию Троцкого, обнесённую двухметровыми стенами, окрашенными в терракот; побродить по развалинам Теночтитлана; вскарабкаться на пирамиду Солнца в месте, где боги коснулись земли; побывать на центральной площади Сокало, чтобы послушаться уличных музыкантов марьячес.

Меня такая разгульная жизнь вполне устраивала, и я не слишком расстроился, получив разовое задание сопроводить группу товарищей, составленную из деятелей физкультуры областных и краевых масштабов, на просмотр какого-то завлекательного фильма. Потрёпанный автобус куда-то вёз нас по бесконечно длинной Инсурхентос, затем запелтял по переулкам и притормозил у задрипаного кинотеатришки. На вопрос, чего ради мы приперлись в эдакую даль, меня осадили с непытливой оглядкой:

— На порнушку поглазеть!

Билетёрша, подсвечивая в темноте фонариками, рассадил нас на свободные места в зале. Оказалось, что в Мексике фильмы крутят нонстоп, и зритель смотрит кино с середины, с конца, с начала, словом, не важно с какого места. Угнездившись в кресле, я вперился на экран, пытаясь разобраться в сюжете. Молодая гречанка металась в томлении по спальне, видимо, предвкушая встречу с героем-любовником. Облачаясь в пеньюар, она распахнула окно настежь. Зал жарко засопел, заприметив намеки на женские прелести, едва уловимые сквозь ажурную прозрачность ночной рубашки. Когда через полтора часа я увидел ту же сцену, то понял, что фильм пошёл по второму кругу и что в стране, истово исповедующей католицизм, полураздетая женщина и есть главная приманка для охотников за клубничкой. Я выбрался на свежий воздух. Водитель тут же насел на меня. С грехом пополам мне удалось понять, что автобус арендован нами до двенадцати ночи, и шофёр вот-вот отъедет восвояси! Можно было бы отпустить его и добираться

до Олимпийской деревни на такси. Но попробуй растолкуй их владельцам, не зная испанского, куда нам надобно ехать! А если завезут не туда? В Мехико-сити с иностранцами не церемонятся. В центре города, прилюдно, не только сумочки, но и подмётки рвут на ходу. Самого Жаботинского грабанули средь бела дня! Вышел прогуляться на площадь. Его обступили бродячие музыканты и ну качать. А он рад-радешенек. Вот она, gloria mundi! На ноги опустили, а бумажника-то и нетути! Переполненный решимостью, я возвращаюсь в зал, складываю ладони рупором и гужу в темноту:

— Советские туристы, на выход!

Чего только мне не пришлось выслушать в свой адрес на обратном пути! Оказывается, я опозорил страну, запятнал имя советского туриста и, главное, проявил недоверие к их моральной стойкости. И всё бы ничего, всё бы сошло мне с рук, если бы в запале я не обозвал одного из самых настырных крикунов амёбой.

По возвращении старшие товарищи как следует пропесочили меня, не приняв во внимание ни один из моих доводов. Утешение я нашёл на груди у новоявленного приятеля, черноусого вожака молодёжи из заполярного Тикси Артура Чилингарова. Прихватив до кучи корреспондента “Советского спорта” Кикнадзе, мы отправились на базар сторговать Артуру шитое серебряными нитями сомбреро размером с летающую тарелку. Нахлобучив на голову обновку, Артур, довольный донельзя, из просто усатого мужика преобразился в настоящего мачо. Тогда мы не осознали, что совершили роковую ошибку. На какие бы мероприятия мы с Чилингаровым потом ни заявлялись, какие бы аусвайсы ни предъявляли — полицейские при виде типичной мексиканской атрибутики, загорелого лица, густящих усов и громадного сомбреро вылавливали Артура ещё на подходе к турникетам и волокли на расправу в участок. Знали бы они тогда, что третируют будущего вице-спикера Государственной Думы Российской Федерации!

Меня, естественно, тянуло в зал борьбы. Медведь перешёл в мою весовую категорию, вес не сгонял, всё складывалось для него тип-топ, но в канун Олимпиады врачи обнаружили у него сердечную недостаточность. Нагрузку необходимо было снижать, но тренироваться вполсилы Александр не умел. Мы с ним посудачили, и я посоветовал ему борьбу послать куда подальше:

— Бери ружьё, меси болота, гоняйся за лосями.

Я знал, что присоветовать. Уход из большого спорта был для меня черват резким снижением нагрузки. Меня выручил бег трусцой. Начал с десяти кругов по школьному стадиончику. А когда втянулся, то сходил с электрички за МКАДом и бежал по березовым колкам аж до Николиной горы, эдак километров тридцать.

В Мехико-сити на Медведя сработал его имидж неутомимого бойца. Натисков Александра боялись панически. Своей манерой ведения схватки он за гипнотизировал и судей. Стоило ему сделать шаг-другой вперёд, и арбитр вlepлял противнику замечание за пассивное ведение поединка. Но мексиканская жара, разреженный воздух высокогорья всё же сказывались на нём. Изображая на лицах дикование по поводу его очередной чистой победы над турком Гиязетдином Йылмазом, японцем Иорихиде Исогаи или выигрышем по очкам у опасного болгарина Османа Дуралиева, мы сволакивали Сашку с помоста и на плечах тащили в раздевалку, где массажисты приводили его в чувство. И всё же Медведь показал себя! В финале жребий свёл его с немцем Вильфридом Дитрихом. Двукратный олимпийский чемпион по вольной и классической борьбе семь лет назад почти сломал Сашкину карьеру, обыграв его на чемпионате мира в Иокогаме. Дитрих без разведки ринулся в атаку. Защищаясь, Медведь вывихнул большой палец. Пока врач соображал, что к чему, Александр с хрустом вправил его на место. Дитриха будто подменили. Он раскис, превратившись в аморфную тушу. Проиграв поединок, Вильфрид поздравил Александра с Олимпийским золотом, сказав:

— Пока ты выступаешь — остальным на ковре делать нечего!

Переживая за Медведя, я старался не пропустить выходы на помост Бориса Гуревича. Его несколько лет подряд прессовали за толидские чемоданы,

набитые под завязку американскими шмотками. Карантин, однако, с него сняли. И в 1967 году в Нью-Дели он выиграл звание чемпиона мира в весовой категории до 87 килограммов. Здесь Гуревич борется выверенно. Кого может — туширует. С опасными соперниками на рожон не лезет. Так что ничьи с монгольским батыром Мунхбатом и болгаринном Гарджевым в итоге обернулись для него золотом. Я не стал дожидаться, когда Борис придёт в себя, взял такси и отвёз его в телецентр, чтобы он сам прокомментировал свой финальный поединок. Из-за разницы во времени трансляции передавались в записи, так что мы успели к началу передачи.

По возвращении в Москву секретарь ЦК ВЛКСМ, курировавший наш отдел, с подвохом поинтересовался, а правда ли я переполошил всех мексиканцев в кинозале своим басом? Судя по его реплике, слава о моём подвиге разнеслась по всем этажам ЦК. Я не переживал. Что можно было со мною сделать? Выставить за ворота? Так я подамся в журналистику. Поэтому преспокойно занялся дворовыми состязаниями на призы “Золотой шайбы”, помогая Валентину Сычу, замзаву отделом, который вёл это направление. Тем паче, что Анатолий Тарасов всемерно помогал нам своим авторитетом. Конечно, приходилось заниматься не только подростковым хоккеем. Как-то мне позвонил тренер по штанге Саша Чужин, мой давний приятель по инфизкульту. Он пожалился, что его ученик готов хоть сейчас разродиться мировым рекордом в тросборье и утереть нос не только Власову, но и Жаботинскому, но его вот-вот упрячут в... кутузку. Дело в том, что его подопечный Васёк Алексеев, прорываясь в Дом культуры на танцульки, свернул челюсть... как оказалось, районному комсомольскому деятелю. Всем ещё была памятна шумная кампания в прессе, вызванная заключением за колючую проволоку футбольного виртуоза Стрельцова. Понятно, что дело с Алексеевым могло принять нештучный оборот. С грехом пополам скандал удалось замять.

Мне довелось воочию увидеть Василия Алексеева лишь на Мюнхенской Олимпиаде. Внешне он походил на былинного богатыря Буслаева, который в семь лет заходил на княжеский двор да шутил с прочими детьми: “Кого дёрнет за руку — рука прочь, кого за ногу — нога прочь”. Неимоверно объёмный, в расхристанной спортивной форме, слегка небритый, он вольготно расположился на двух стульях в первом ряду террасы в олимпийской деревне, она же концертная площадка, предвкушая выступление Эдиты Пьехи. Готовясь к выходу, певица приняла за кулисами для куража рюмочку коньячку и, слегка порозовев, появилась на импровизированной сцене. Обведя всех своим очаровательным взглядом, Эдита Станиславовна милостиво разрешила перед началом концерта задавать ей любые вопросы касательно её творчества. Тут-то Василий и встрепенулся:

— А кой тебе годик?

С Эдитой приключилась истерика.

Выше я вскользь упомянул о Мюнхене. Но эти Игры нуждаются в большей развёртке. Именно столица Баварии превратила Александра Медведя в легенду отечественного спорта. Дорогу к третьей олимпийской медали ему преграждал двухсоткилограммовый американец Крис Тейлор. Он появлялся на людях, окружённый зеваками, и, раздавая автографы, заявлял, что приехал в Германию только за золотом. Крис выглядел эдаким пыхтящим альфа-самцом. Александр на его фоне выглядел узником концлагеря. Многие были уверены, что Крис сомнёт Медведя. Саша несколько раз повисал на шее американца, пытаясь его согнуть, но тот пёр пузищем вперёд и пёр. Арбитр на ковре остановил схватку, свёл их на середине и покрутил кистями в воздухе, мол, боритесь поактивнее. Судья-информатор объявил замечание Тейлору за выталкивание Александра с ковра. Преображенский задёргался:

— Похоже на подвох. Сашке нужна атака, иначе его подловят.

Медведь, разумеется, не слышал тренерских размышлений, но опыта ему было не занимать. Улучив момент, он цепляет ногу Криса, осаживает его на ковёр. Американец, развернувшись на живот, успевает спрятать руки в складках жира. В таком положении к нему не подобраться. После прерыва Саша повторяет свой трюк и зарабатывает второе выигрышное очко.

Тейлор пыжится, но победа уплыла от него. Назавтра у Медведя финальная схватка с болгаринцем Османом Дуралиевым. Ему кровь из носа необходимо как следует выспаться. Он затворяется в отведённой ему комнате. В другой с присвистом давно похрапывает Преображенский. А я остаюсь в нашей “трёхкомнатной” квартире — в холле. Надо срочно написать в газету отчёт о прошедшем дне.

Вначале они перебросили через ограду адидасные сумки, потом сами перелезли через забор. Не доходя до здания, отведённого для израильских спортсменов, затаились. Завизжали застёжки-молнии. Из сумок торопливо достали автоматы, рожки с патронами. В подъезд террористы вбежали гурьбой в надвинутых балаклавах с прорезями для глаз и, минуя лифт, кинулись вверх по лестнице. Струя пуль искрошила дверной замок.

Заслышав выстрелы, я взбеленился. Опять неугомонные итальянцы отмечают свои успехи взрывом петард. Мозгов у них нет. Люди легли спать, а они ставят на уши всю Олимпийскую деревню. Только утром я сообразил, что вокруг происходит нечто непонятное.

Повсюду броневики с торчащими рыльцами пулемётов, цепь бундесверовских солдат опоясала периметр деревни, на ветру телепаются ленты ограждения, сдерживающие толпу вездесущих корреспондентов с телекамерами и микрофонами, рвущуюся к месту событий.

— Никак снимают очередную бондиану? — иронично замечает Сергей Андреевич. — “Из Олимпийской деревни с любовью!”

Но всё выглядит серьёзно. Худосочный хиппи из любопытствующих, зацепившись за ограду рюкзачком, повис на ней. Послышалось лающее: “Хальт!” — и полицейский угрожающе повёл дулом автоматического пистолета...

Прерваны трансляции. Скомканы соревнования. Перепуганные дикторы, протараторив новости, исчезают с телеэкранов. Газеты пестрят заголовками: “Пять террористов ворвались в Олимпийскую деревню”, “Взяты в залог израильские спортсмены”, “Есть убитые и раненые”, “Голде Меир выдвинуты условия — если не освободит двести палестинских заложников, томящихся в застенках Иерусалима, то к захваченным атлетам будут приняты крайние меры. На ультиматум необходимо ответить к двенадцати дня”. Олимпиада в ступоре. Все ждут развязки. Трагедия произошла в двух шагах от нашего блока. “Террористы отдают предпочтение фирме “Адидас”!” “Читайте нашу газету! Только в ней опубликованы фотографии заложников!” “Марк Спиз, семикратный чемпион Мюнхенской Олимпиады по плаванию, затребовал с американской военной базы охрану для своей персоны!” “Безобразия! Куда смотрит министр внутренних дел Баварии?” “Почему до сих пор не задействованы снайперы бундесвера?” “Автоматы террористов советского производства!”...

Гуманистический лозунг основателя современного олимпийского движения Пьера де Кубертена “О, спорт, ты — мир!” летит в тартарары на моих глазах. Единственный фотокорреспондент, который поймал в объектив террориста в нахлобученном на голову колпаке, был фотограф Юрий Рост, которого с моей подачи включили в состав нашей творческой бригады...

“А Баба-Яга против...”

Предложение перейти на Гостелерадио для меня оказалось сюрпризом.

Первые дни своего пребывания в качестве главного редактора Главной редакции спортивных программ мне не забыть никогда. Собираясь сесть на стул, я совершенно случайно оборонил взгляд на сиденье и... завис в воздухе, заведя на нём трёхгранный кованый гвоздь размером с мизинец. Ещё бы секунда и...

Я ещё не успел сделать никому ничего, плохого или хорошего. Но меня сразу же хотели взнуздать, чтобы я бегал эдакой мышкой по плинтусу и звёзд не тормозил. До меня в редакции сменилось, кажется, пяток руководителей. Буквально на следующий же день в мой кабинет заявился шахматный обозреватель с дамской фамилией и с напускным сочувствием заявил, что я

влип в историю, потому что у меня нет никакой идеи. Что можно было ему ответить? Пожалуй, он вынес мне справедливый приговор. Примерно с неделю меня мучили сомнения: может, отказаться от должности, пока не поздно? А потом я вспомнил...

На Мюнхенской Олимпиаде мне довелось участвовать в торжественной церемонии открытия Игр. Колонны спортсменов на подходе к стадиону то ускоряли свой ход, то замедляли. Выбравшись из рядов, я устроился на откосе и смотрел на дефиле атлетов. От них невозможно было оторвать глаз: все стройные, подтянутые, белозубые. И тогда я поймал себя на мысли, что лет эдак через двести, возможно, такими будут все люди на планете. Вот только суметь бы донести эту эталонность до всех!

Следующие редакционное испытание оказалось с кулинарным привкусом. Мне мнилось, что, переступив порог Останкино, я окажусь в неких высоких сферах. По крайней мере, мужских пыжиковых шапок и женских меховых уборов в гардеробе было предостаточно. Конечно, среди них попадались и кроликовые, но только в виде исключения.

В редакционной комнате отмечался чей-то день рождения. Сдвинутую к краю стола жестяную крышку от киношной бобины переполняли тлеющие окурки. “Тамада”, деля торт на порции, кромсал его пальцем. При виде сего меня чуть не стошнило. Помимо воли пришлось попристальней всмотреться в каждого из своих сотрудников.

Особняком от всех держался Вадим Синявский. Маг радиорепортажа был на сходе, словно актёр немого кино, доживший до эры звука в кинематографе. Телекартинка отняла у него возможность фантазировать. Оказаться в роли статиста ему, создавшему своими репортажами футбольный бум, видать по всему, было тягостно. Ещё в период своего внештатного сотрудничества я частенько сталкивался с ним в коридорах на Пятницкой. Он проходил мимо, не здороваясь, будто не замечая меня. Кто я был для него? Очередная “звездюлька”. Ему ли мериться славой со мною, ему, ведущему репортаж с парада на Красной площади 7 ноября 1941 года, из осаждённого Севастополя, из танка на Курской дуге...

Оставаясь не у дел, Синявский, тем не менее, всегда выглядел подтянутым, тщательно выбритым, с гладко уложенными на пробор волосами, распространял вокруг себя едва уловимый запах коньячного аромата. Свой разговор он пересыпал афоризмами. Они подхватывались на лету и тут же тиражировались: “Не ври, что чист, если денег, как грязи”, “Сегодня дозволено и даже предписано врать смело”, “В мире царит гармония: умные считают себя дураками, а придурки — умниками”, “Принцип “око за око” нередко приводит к потере зрения”, “Что-то нервишки пошаливают! Прощвырнуться, что ли, по парку горькой культуры и нежности?” После его кончины до меня дошло, что именно Синявский лучше многих из нас постиг суть спорта: “Говорит и показывает Москва. Наши микрофоны установлены на центральном стадионе “Динамо”... нападающий бьёт в “девятку”, и мяч, словно бабочка, забился в сетке ворот”, — голос Синявского тонет в рёве трибун. Он замолкает, не пытаясь перекричать зрителей, и, выдержав паузу, спокойно роняет: “Надеюсь, всем ясно, чем завершился штурм ворот?” Так рисовать словом, звуком мог только Вадим Синявский.

Николай Озеров, припадая на трость, приятно расшаркивается со всеми: “Сдрасте... драсте... драсте!” Хоккей достиг пика популярности, и главного комментатора страны болельщики были готовы носить на руках. Он заводит зрителей, по-бразильски вопя “го...ооо...ооол!” Именно Ник. Ник. заставил уверовать нас, что НХЛовский мордобойный хоккей “нам не нужен”, а заодно внушил, что лучше других актёров справляется во МХАТе с ролью пышнотелого Хлеба в спектакле “Синяя птица”. А ещё он был многократно-многократным чемпионом страны по теннису. Озеров выигрывал это звание и тогда, когда его сверстники ушли на фронт, и в послевоенные годы, когда, собственно, не с кем было соревноваться на корте. От обычных смертных Николая Николаевича отличало чревоугодие, прижимистость и... жажда поспособствовать всем и каждому. Его блокнот был испещрён мольбами о помощи в получении жилья, телефонов, автомашин, полированной

мебели, санаторных путёвок в Сочинский дом творчества и прочая. С утра главный комментатор страны пристраивался к телефону и названивал в Инту, Томск, Чебоксары, Самару, Чугуев... и добивался своего. Однажды он рискнул пригласить всех своих коллег к себе на подмосковную дачу. Изрядно поднабравшись, коллеги по редакции смели все его запасы, напоследок закусив спиртное живыми аквариумными рыбками.

Январь Юсупович Садеков королём в редакции себя не ощущал, хотя и был единственным в своём роде режиссёром. Детдомовец заболел футболом, городками, волейболом, мотогонками и многим другим ещё в младости. И только он своим чутьём на Московской Олимпиаде мог углядеть стрекозу, трепыхавшую слюдяными крылышками на лопасти занесённого для гребка весла, тем самым передав телезрителям предстартовый напруг.

На первых порах меня водили за руку Нина Ерёмкина, с которой я чуть не разругался в Токио, и Владимир Марканов, курировавший на радио штангу, а заодно и борьбу. О них следует сказать особо.

Нина, напористая, привлекательная блондинка, использовала свою внешность и популярность на все сто. Гаишник тормозит её за нарушение правил:

— Да, нарушила. Но почему остановили именно меня? Я ехала в общем потоке. Обратили внимание на красивую женщину? Коллеги вас могут не понять. Извините, тороплюсь на съёмку. Кстати, мне надо ещё успеть захватить в “Правду”!

Марканов, в отличие от неё, был в редакции рабочей лошадкой. Сборная СССР по вольной борьбе, удачно завершив турнир, вылетела из Бухареста в Москву. Владимир получил задание взять у меня в Шереметьево интервью. В столице и далеко за её пределами хлестал дождь. Лайнер посадили в Киеве. Марканову страсть как не хотелось тащиться под дождём в аэропорт, за тридевять земель. Особо не заморачиваясь, он включил в ванной душ и наговорил на магнитофон текст: “Дождь льёт, как из ведра. Самолёт только что приземлился. Результаты выступления команды любителям борьбы хорошо известны. Поэтому я прошу Александра поделиться со слушателями “Маяка” планами на будущее...” И подписал к своему вступлению интервью, взятое у меня ещё до поездки в Румынию. Репортаж вышел в эфир. Какое-то время спустя на аэропорты, больницы, приёмные покои обрушился шквал звонков, потому что никто из “прилетевших” не объявился дома! Марканова не уволили по двум причинам. В Советском Союзе выставить человека на улицу без согласия профкома, месткома, парткома, отдела кадров и... курилки было просто невозможно. Кроме того, он, взращивал двух дочерей и бился, словно рыба об лёд, пытаясь сбить их замуж.

Кроме Ерёмкиной и Марканова, я достаточно быстро нашёл общий язык с Георгием Сурковым. Владелец гренадёрской стати, убелённый благородными сединами, он являл собою человека с незамутнённой совестью. Лукавинка в глазах, неизменная улыбка яснее ясного говорили, что перед тобою рубаха-парень. Так оно и было. Георгий преданно служил гребле, а также биатлону и умел вдохновенно преподносить их телезрителям:

— Мощный гребок одел рулевого в “стеклянный” пиджак.

Однако Гера порою колебался в выборе между поэзией и буфетом. Сшибить на радио десятку-другую рубликов в день не составляло особого труда. Халтурки всегда хватало. Так что Гера то и дело подвергался соблазну лёгких, так называемых буфетных денег. Но именно благодаря ему мне удалось повстречаться с Астафьевым. В Красноярске проводилась зимняя Спартакиада народов СССР, и меня туда командировали.

Мороз пробирал телеоператоров до костей. Енисей тоже старался подбавить минусов ледяной испариной. Всех телевизионных москалей пришлось срочно переодеть в овчинные полшубки и переобуть в валенки. Проведав, что Астафьев проживает буквально в двух шагах от телецентра, еду к знаменитому писателю с трепетом — не шуганет ли с порога за беспокойство? У съёмочной группы тоже свои сомнения — накормят их ужином аль нет? Дверь открывает жена Виктора Петровича, вся из себя сухонькая, востроносенькая, с причёской букольками в колечки. На просьбу переобуть нас

в тапочки Астафьев ворчит, мол, выдумали моду разуваться! На нём чёрные сатиновые шаровары и клетчатая фланелевая рубашка ржавого цвета. Осваиваясь, рассматриваем книжные шкафы, картины, развешанные по стенам. Включив старенький магнитофон, Виктор Петрович предлагает для зачина послушать песни:

— Мои поют. Многих уж и на свете-то нет, — и заметив, что мы заинтересовались живописью, поясняет: — Да тут ничего знаменитого нет. Вот это моя вологодская изба. А рядом, на этой акварели, тони, куда нас мамка за гряды не пускала. Боялась тайги.

Узнав, что я блокадник, потеплел. Отважившись, спрашиваю у него про ощущения солдата, поднявшегося в атаку.

— Тупеешь, словно животное. Выскакиваешь из траншеи первый, за тобою второй сиганет, а третьего снайпер снимает. Потому необстрелянные и гибли.

Непонятно в какой связи Виктор Петрович, порывшись среди книг, достаёт томик Рубцова и, раскрыв наугад, не то прочитал, не то продекламировал:

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды...*

И, помолчав, вздохнул:

— Вот так бы нам всем писать!

Тем временем его супруга Мария Семёновна выставила на стол чуть подгоревшую, с дымком, картошку, разделанную селедку, сковородку поджаристых рукодельных пельменей, нарезала сольцо и распластовала копчёный муксун. Затем донесла солёных груздей в слизах и мочёную бруснику. Наполнив рюмки, Астафьев предупредил, чтобы литературных разговорчиков никто не заводил. Но, рассказывая о Прохоровке, я помянул добрым словом Гоголя, и мы вцепились друг в друга...

А потом под чаёк, поданный в подстаканниках из берёсты, Виктор Петрович совсем оттаял и пустился в воспоминания:

— На мясокомбинате мне выдали резиновый фартук до пола, а там чаны с фаршем, соль, селитра, туши под сто двадцать, ступени в кровнице скользкие, а мне и шестьдесят на плечах не поднять... обобщивался с натуги. Ладони все в порезах — кости-то острее бритв. После смены шёл домой, выставив разъединенные солью руки вперед. Жена стаскивала брюки, самому было нелегко... — И в сердцах добавил: — Гномы нами командуют!

При расставании договорились, что, приехав в Москву, он заглянет к нам в редакцию. Не случилось...

Зарубежные поездки тогда были редки. За бутор в основном выезжали дипломаты, артисты очень больших театров, спортсмены и, разумеется, комментаторы, прежде всего, хоккейные, футбольные, по фигурному катанию, художественной гимнастике. Так что интрижки, подставы, наушничество были в редакции явлением повседневным. Получалось, что я попал, будто кур в опил. Юшквичюс, сжалившись надо мною, посоветовал не относиться к сотрудникам слишком серьезно:

— Они вроде детей в песочнице: дерутся, ябедничают, “кулички” сшибают, сюсюкают и, наигравшись... строчат друг на друга анонимки. Так что возжи не распускай, а то тут твоя, из новеньких, ходит по высоким кабинетам и шуткует, мол, Шурик-то у нас дурачок!

На зимней Олимпиаде в Инсбруке я заехал на биатлон, чтобы посмотреть соревнования вживую, а заодно пообщаться с Сурковым. Его на месте не оказалось. Останкино надрывалось, пытаюсь хоть с кем-нибудь выйти на связь:

— Инсбрук... Инсбрук... ответьте Москве. Инсбрук, ответьте Москве!

До прямого эфира оставались считанные секунды. Послав техника на розыски любого биатлонного специалиста, я надеваю наушники и лепечу в микрофон несусветную околесицу:

— Дистанция тридцать километров... валит снег... не разобрать, кто под каким номером стартует... метель метёт... все решит стрельба...

От позорища меня спасает Голя Малявин, наш всезнающий радиный репортёр. Сгорая от своего позора, я жаждал одного: мщения. Сурков попался мне в распахнутой куртке, с подозрительно красными глазами. Увидев выражение моего лица, он мигом протрезвел и забубнил в своё оправдание, что, мол, то да сё... часы подвели. Одновременно вокруг меня вертится наш корреспондент, сынок малоизвестного композитора, и нащёптывает:

— Какие там часы! С тренерами гудел ночь, от того и морда кирпича просит!

Он топил своего брата, чтобы самому пролезть к микрофону! Моя злоба к Суркову сама собою улетучилась, словно её и не было вовсе...

Асы, пользуясь своей незаменимостью, ведут себя капризно, заносятся. И у меня рождается идея создать институт дублёров, чтобы они дышали корифеям в спину, умеряя их амбиции.

Начало им положил Владимир Маслаченко. Вратарь сборной СССР по футболу, он ранее числился в штате редакции, но затем укатил в Африку поднимать тамошний футбол. Что-то у него пошло не так, и он запросился обратно. Владимир, конечно же, знал предмет. Но ущемлённый во вратарской славе, которая вся пришлась на долю Льва Яшина, он изводил себя изнутри, чрезмерно заиклившись на своей персоне. То прихвастнёт в эфире: “Ну, как вам понравился ваш комментатор?!” То ни с того ни с сего попрощается со зрителем по-итальянски: “Чао!” Но всё же отдача от него значительна. Футболист футболистом, а взял и вывел в телеэфир горные лыжи. До него их вообще числили в разряде ненашенских видов спорта и на телек не пускали. А он извернулся и добился своего.

Просматривая документальный фильм о фигуристах, я обратил внимание на молодого тренера. То, как он общался с малышнёй, подкупало, и в редакции появился голубоглазый плечистый блондин — Сергей Ческидов, сносно балакавший по-немецки.

Теннисистка Анна Дмитриева, пробившаяся в четвертьфинал Уимблдонского турнира, была в большом фаворе, знакомства с ней домогались. Большинство народа в ту пору тащилось от футбола и хоккея, малая его часть — всему предпочитала шахматы, а “нанослой” отгораживался от всех идеологических проблем теннисом. В своё время Аня закончила филфак МГУ, владела французским и английским, так что подходила нам по всем статьям. Тем более, что за ней тянулся флёр фамильных преданий. Её отец, ведущий театральный художник МХАТа, многократный лауреат Сталинской премии, водил тесную дружбу с автором “Мастера и Маргариты”. Более того, он был рядом в момент его ухода “...Елена Сергеевна всё время сидела на полу на подушечке — у изголовья Михаила Булгакова и держала его руку...” Именные гости: Немирович-Данченко, Качалов, Ливанов, опека новорождённой со стороны Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой, мхатовские спектакли — вот та атмосфера, в которой росла будущая “звезда”. Так что роль Дмитриевой в редакционной перенастройке для меня была очевидна. Только бы она справилась с нею.

Очень ценным приобретением для редакции оказался двукратный олимпийский чемпион Евгений Майоров. У него было масса достоинств: хриплый голос, говорок, присутщий шпане из Марьиной Рощи, доскональное знание подноготной хоккея... и перебитый нос.

Но более всего я дорожил своим замом Борисом Степановичем Гульяем. Когда мне удавалось вырваться на съёмку, то я обязательно держал с ним совет. Он получил высшее кинематографическое образование и обладал отменным вкусом.

Менять редакционный климат приходится по ходу. Профессор факультета журналистики МГУ, заведующий кафедрой стилистики русского языка, Дитмар Эльяшевич Розенталь подтягивал нас в русском. Желаящие осваивали английский язык. Изменился и характер редакционных посиделок. Восьмого марта редакционные мужчины встречали сотрудниц во фраках, позавтракавших в костюмерной, с букетами благоухающих мимоз, доставленных

нашим спецкурьером прямиком из Абхазии. Завершались наши вечера скрипичными концертами. В благодарность женщины устраивали 23 февраля нашим “воинам” чаепитие с домашней выпечкой.

По ходу мне удалось изобрести свой вид спорта. Моё увлечение виндсёрфингом с приходом зимы сходило на нет. Но, памятуя о гонках на “конькобежных” катамаранах по льду Финского залива, я раздобыл прыжковую лыжу, привинтил к ней парус и покатил по заснеженному водохранилищу. По телеку недавно показали массовый заезд “зимних” виндсёрфингистов. Мелькнула запоздалая мыслишка: “Надо было патентовать!”

Общего языка мне, как ни странно, не удалось найти с борцами. Только что на колени не становился перед Иваном Ярыгиным, пытаюсь убедить его перенести первенство страны, допустим, из Барнаула, в приемлемое для телевидения место. Там не было передвижных телевизионных станций. Помимо прочего, борцовские соревнования накладывались на чемпионат мира по хоккею, который сметал весь другой спорт с голубого экрана. Ярыгину вроде и хотелось пойти мне навстречу, но алтайские власти обещали ему накрыть “поляну”, а сдвиг турнира в ту или иную сторону, видите ли, нарушал алгоритм подготовки борцов к международным состязаниям. С такого рода рассуждениями ничего нельзя было поделать. Порою приходилось, махнув на всё рукой, брать кинокамеру и самому поспешать за сборной, чтобы отснять хотя бы короткометражку для эфира.

Благодаря одной такой вылазке на чемпионат мира в Лозанну, я запечатлел для истории перипетии соревнований, уделив особое внимание поединкам тяжеловеса Сослана Андиева. Документальный фильм вышел в телеэфир под названием “Залог победы”. С его братьями Геннадием и Сергеем мне довелось сходитьсь на ковре, а вот с “младшеньким” Сосланом — Бог милował. Говорят, батяня у них весил 136 килограммов при росте 2 метра 18 сантиметров. Выглядел он, наверное, повнушительней Валуева. Вот уж кто всех своих “оппонентов” согнул бы в бараний рог! Я до сих пор храню благодарность всей Андиевской семье. Есть известная поговорка, что для постижения человека нужно съесть с ним три пуда соли. Так вот, зазвав меня в гости, они окружили меня такой теплотой, что и раза хватило, чтобы проникнуться уважением к вековым осетинским традициям. О застольной молитве Святому Георгию, о пышных пирогах — сырных, начинённых мясом, картошкой, зеленью, — лучше умолчу...

О Московской Олимпиаде вроде бы сказано всё. Добавить что-либо своё в её летопись практически невозможно. И тем не менее... Редакция спорта отвечала за производство международной картинки для всех континентов. Столицу изрядно перепахали: возвели международный аэропорт, построили современные гостиницы, стадионы, Олимпийскую деревню, проложили дорожные развязки и эстакады, возвели олимпийский телерадиокомплекс и прочая, и прочая, и прочая. Ну, и кем были мы, грешные, на этом грандиозном фоне? И всё же получалось так, что именно наше подразделение, в конце концов, вышло на авансцену. Нам пришлось исполнять партию первой скрипки. Во многом именно от нас зависело, какой Олимпиада предстанет перед миллиардами зрителей планеты. Тянуть такой воз в одиночку было задачей непосильной. Но на моё счастье, к этому моменту команда сложилась. И всё же нам катастрофически не хватало режиссёров, телеоператоров, звукорежиссёров, техников и редакторов, сведущих в спорте. За доллары, конечно, можно было бы нанять забугорных асов. Сейчас так и поступают. Но тогда с валютой была напряжёнка, да и принципы не позволяли. Поэтому мы перешерстили все республиканские, краевые и областные теле- и радиокомитеты. Наши спецы под огнем критических замечаний держали экзамен перед признанными авторитетами. Но самым сложным делом для нас оказалась выработка своего режиссёрского почерка. Я каждый раз поражался тому, что самой главной телекамерой в футболе считалась верхняя, показывающая поле с высоты птичьего полёта. Мне отвечали, что так положено, иначе болельщик не считает кружевного рисунка атаки. Но бросаешь в прорыв, корчась на поле от боли, ликуя после забитого гола, футболист ведь не видит себя из поднебесья! Значит ли это, что он самый несчастный человек на свете? Может

общий, то есть верхний план следует в разумных пропорциях совмещать со средними и крупными? Так в жарких спорах вырабатывался наш подход к освящению спортивных баталий.

За спиной Лапина шептались, мол, поставлен на должность, чтобы почистить Гостелерадио от пятого элемента. Шастал ли он по студиям с ятаганом, приуменьшая число неверных, мне доподлинно не известно. Но, именно при Сергее Георгиевиче главным международным политобозревателем и его собиным другом заделался Леонид Зорин. При нём же начала всходить радионная “звезда” Владимира Познера. Дикторскую группу важнейшей информационной программы “Время” возглавил Игорь Леонидович Кириллов. А на Пятницкой ещё более утвердился неоспоримый авторитет Юрия Борисовича Левитана, которому поручалось оглашать во времена оны важнейшие указы самого Сталина. Надо было видеть, как вздрагивала очередь в колбасном отделе Елисеевского гастронома, когда неприметный гражданин всесоюзно-знакомым голосом вещал продавщице:

— Взвесьте, голубушка, двести граммов сырокопчёной!

В те времена многие журналисты мечтали пробиться в политобозреватели: солидное, номенклатурное положение, “кремлёвская авоська” — продуктовый паёк со всяческими деликатесами, недоступными рабоче-крестьянскому народу, кстати, по весьма и весьма умеренным ценам, санаторное обеспечение, “гербовый” телефон правительственной связи, забугорные командировки, а то и заведование корпунктом не где-нибудь, а в Париже, Нью-Йорке или Токио, возможность подкопить валютку для покупки кооперативной квартиры, машины и дачного участка в престижных подмосковных уголках. Я пересекался с ними, в основном, в кубрике — так называлась комнатёнка на десятом этаже Останкино, где в уединении обедала вся телевизионная верхушка. Цены в ней были столовские, все блюда доставлялись из общего котла, разве что эскалоп подавался помясистее. На кухне хозяйничала Надюша, давно махнувшая рукою на свой внешний вид. В кубрике, ослабив узелок галстучной удавки, можно было позволить себе расслабиться. Голубоглазый “афганец” Каверзнев, врываясь в кубрик, на лету перехватывал снедь и сбегал в аппаратную озвучивать свой очередной репортаж. Его защитного цвета тужурка с карманами и карманчиками отдавала порохом, а лицо спецкора, вне зависимости от времени года, шелушилось от высокогорного кандагарского загара. Только что вернувшийся из Бразилии Фесуненко, успевший прогреметь в болельщицкой среде книгой о Пеле, непрестанно досаждал мне своими нравоучениями, мол, почему да почему наши футбольные репортажи не такие эмоциональные, как у латиноамериканцев? Пришлось его урезонивать:

— Да потому, что Зыкина не поёт, как Лолита Торрес!

Познер в нашей останкинской кают-компании был редким гостем. Будто невзначай он упоминал о своей пикировке с Лапиным: “Он мне сказал... я ему возразил... Сергей Георгиевич заметил...” Много лет спустя он запел совсем иные песни: “...я чувствую себя во Франции дома вообще, и Нью-Йорке — в частности... Моя родина там, а не здесь, а кому это не нравится, пусть обращается в ООН”.

С появлением Сенкевича расцветала даже Надюша. Баритональный тембр голоса кинопутешественника действовал магически на дам любого возраста и социального положения. Ну, а я, разинув рот, внимал каждому слову человека, свершившего невероятное. В составе интернациональной команды, ведомой известным норвежским исследователем Туром Хейердалом, на тростниковом не то судёнышке, не то лодке “Ра” он преодолел Тихий океан.

Телеведущая Галина Шергова ушла в 1943 году на фронт добровольцем. Работала в газете 5-й танковой армии “На штурм”. Властная посадка головы, зелёные глаза и стянутые в узел иссиня-чёрные волосы — всё вместе производило неизгладимое впечатление. Автор десятка книг в прозе и стихах, множества документальных видеофильмов, она могла заставить слушать себя кого угодно. Быть может, в немалой степени тому способствовал слух, что Шергова якобы приходилась родней самому Юровскому,

который командовал расстрелом императорской семьи. За глаза её называли “Акулой”.

И конечно же, желанным гостем кубрика всегда была обворожительная тетя Валя — Валентина Михайловна Леонтьева, — ведущая редкой по доброте передачи “От всей души”. Порою могло показаться, что она помнит по именам каждого из участников своих передач, которые выходили без прерыва в эфир на протяжении пятнадцати лет.

Юрий Летунов не баловал нас своим присутствием. Ел ли он когда-нибудь по-настоящему, вообще было загадкой. Загруженный сверх меры, он, тем не менее, умудрялся выкраивать время для своей подготовки к полёту в космос в составе экипажа “Салюта”.

Георгий Зубков шумно наведывался в кают-компанию. Еще бы! Приезжал он не из захудалого села, какого-нибудь Чугуева, а напрямик из Франции, где пребывал в должности спецкора Гостелерадио. Он-то и был моим крёстным отцом при приёме в “ОВВ”. Судьбоносный акт состоялся вскоре после моего утверждения в должности главного редактора спортивных программ. Это чрезвычайное мероприятие проходило в ресторане Дома журналистов — месте златном, куда посторонних просто так не пускали и чей буфет славился заморскими напитками. Подвальное помещение Домжура служило прибежищем разной пишущей шушеры, любителей пива и раков, потреблявших и то, и другое в невообразимых количествах. Пристраиваясь к бочкам, заменявшим им столы, они зависали в сигаретном дыму до закрытия.

Посажеными отцами на церемонии инаугурации вызвались быть Ник. Ник. Озеров и Наум Александрович Дымарский. Кто из них был моим главным поручителем, мне и по сию пору осталось неизвестным.

Во главе стола восседал Зубков. Держал он себя с обслуживающим персоналом по-свойски:

— Вас, деточка, как зовут? Раечка. Вот и чудненько. Значит, так. Бурбончика принесите нам из буфета, рыбочку копчёную, балычок, миноги маринованные... так, что у вас там ещё? Вы свой телефончик, милая, оставьте мне, лучше домашний. В другой раз обязательно за ваш столик сядем. Омара рекомендуете от шеф-повара, а что ещё? Грибочки, начинённые оливками, лососинкой и жареным бекончиком? Прелесть, милочка! Ну, от такого консоме о своём пролетарском происхождении совсем забудешь. Какой выдержки виски? Впрочем, сами разберёмся. — Он с упоением длил свой диалог. — Люблю следующие компоненты: французский паштет “лю патэ” с норвежским салмоном в укропчике. И запивать всё это надо, други, грейпфрутовым соком с тёплым молоком. Для меня, сироты с детства, это то же самое, что для вас чашечка кофе со сливками. И если мне говорят, что это не “футе”, мне наплевать. У нас на Урале я привык половинить пиво с простоквашей.

Чемпионат Европы по вольной борьбе проходил в Мадриде, и мне необходимо было сделать пересадку в Париже, чтобы в испанском консульстве получить визу. С моим знанием французского, английского и тем более испанского задача, прямо скажем, для меня являлась архисложной. Пришлось звонить Зубкову. Он приехал в аэропорт “Ле Бурже”, запоздав более чем на час. Я уже запаниковал, не зная, что и думать. Суетясь, он помог уложить чемодан в багажник своего “Ситроена”.

— В какой, говоришь, отель едем? Далековато от консульства. Знаешь, старичок! Тут столько работы навалилось, подготовка к высокому визиту, то да сё. Придётся тебе самому выкручиваться. Кстати, об ужине! На фуа-гра губу не раскатывай. Мы с жёнущкой диэтируем — месяц на гречке сидим. Так что в бистро перед кашкой заскочим, по кружечке пивка у стойки примем, — и напевно заурчал: — Кашечка, кашечка, будь она неладна, гречечка...

Перед началом Московской Олимпиады мне устроили на коллегии головомойку. Чувствовалось, что Лапин на всякий случай перестраховывается — вдруг напортачим? Но мне было не до того. Редакция разбухла. С прикомандированными сотрудниками штат возрос до двух с половиной тысяч человек.

Приходилось вставать ни свет ни заря. А тут ещё приспел американский бойкот, и многое пришлось спешно перекраивать на ходу. Семью съезжаю в деревню. Практически всю Олимпиаду я провёл безвылазно в Останкино. Посмотреть на борьбу в “натуре” никак не получалось. Выручал телек. Да и то приходилось смотреть трансляции урывками. Пожалуй, лишь разок оторвался от дел, увидев, что на помост поднимается Сослан Андиев. Поймал себя на том, что смотрю на телеэкран отрешённо, будто всё происходящее на ковре меня вовсе не касается. Вот Сослан проходит в ноги Адаму Сандурскому. Поляк грузно оседает на ковёр, но его более чем двухметровый рост помогает ему захватить ногу Андиева. Он, подтягивая Сослана, ставит его в опаснейшее положение — на голову. Только в этот момент у меня под ложечкой ёкнуло, словно поляк крушил меня, а не Сослана. Андиев успевает перебросить ноги и накрывает Сандурского. Мне показалось, что лопатки Адама коснулись покрышки. Но арбитр поднимает обоих в стойку. А у меня зануло старое. Правильно ли сделал, резко порвав с борьбой? Через секунду-другую Андиев станет двукратным. Мог бы и я сделать дубль!

Тогда мало кто из нас осознал, что удалось сотворить! Сами, без участия иностранных спецов, на своей родимой телетехнике мы выдали добротную международную телекартинку мирового уровня. Например, в Сочи, на нашенской зимней Олимпиаде, к производству международной телекартинки не подпустили ни одного россиянина, да и техника вся была исключительно чужеродной.

Московская Олимпиада завершилась лирической пахмутовской колыбельной, проводившей Мишку в сказочный лес, и горечью прощания с Высоцким...

К этому времени наше общение сошло на нет: не было уже встреч за кулисами, на квартире у Хмельницкого, на его концертах. Да и к Таганке у меня поменялось отношение. Я постепенно утрачивал восхищение режиссёрским талантом Юрия Любимова. Иногда я задаю себе вопрос: по какую сторону баррикады оказался бы Высоцкий, дотяни он до 1993 года?

*И ни церковь, ни кабак —
Ничего не свято!
Нет, ребята, всё не так!
Всё не так, ребята...*

*Эх, раз, да ещё раз,
Да ещё много-много, много раз...*

А ещё со мною тем летом произошло почти мистическое событие. Проезжая мимо Дома кино на Васильевской, я увидел на фасаде растяжку: “Лариса”, документальный фильм Элема Климова. С Элемом меня подружил его брат Герман, член сборной страны по лёгкой атлетике. Он написал сценарий, по которому братья сняли документально-игровой фильм: “Спорт, спорт, спорт”. До них никто так шутейно и всерьёз не подавал спорт.

Климов посвятил фильм памяти своей жены Ларисы, нелепо погибшей в автокатастрофе год назад. На экране я увидел потрясающе красивую женщину, одновременно похожую то ли на модель, то ли на хранительницу священного огня в древней Элладе, то ли на Жанну д’Арк, то ли на боярыню Морозову. Мне захотелось выть от досады! Оказывается, все её фильмы прошли мимо меня...

Потом я пересмотрел “Зной” (1963) по повести мало кому тогда известного Чингиза Айтматова “Верблюжий Глаз”, “Крылья”, “Родину электричества”, “Восхождение”, “Прощание с Матёрой”, завершённый Элемом Климовым. Киноработы Шепитько надо знать. Тех, кто не видел “Восхождения”, мне искренне жаль. Это почти евангельская кинопритча о русском воине. И если рязановский кинофильм “Ирония судьбы” крутят “новогодне”, и поделом, то “Восхождение” следует демонстрировать в канун дня Победы!

Начальник отдела кадров Гостелерадио, бывший прокурор Магаданской области, по-шалыпински фактурный и такой же басистый, попросил заглянуть к нему в кабинет по наградным делам.

— Только не обессудь, — притворно вздыхая, начал он свой доверительный разговор со мною. — Начальство решило по итогам Олимпиады наградить Орденом Ленина слесаря-водопроводчика, передовика производства, а тебе вручить... “Трудовое Красное Знамя”. Какие будут возражения?

Он исподтишка наблюдал за моей реакцией, видимо, ожидая взрыва негодования или хлёстких слов по адресу некоторых облечённых властью товарищей, чтобы донести куда надо. Но ничего похожего не дождался. Меня и без медалей распирала гордость, что именно мы утвердили свой канон спортивных трансляций...

“Все согрешили, и нет никого чистого от греха, хотя бы он прожил всего один день”. Эту фразу я вычитал у выдающегося представителя русской религиозной мысли Сергея Николаевича Трубецкого. Она меня зацепила. Я ранее встречал подобное высказывание, вложенное в уста святых подвижников. Именно они считали себя самыми большими грешниками на земле! Что же спрашивать с нас — простых смертных?! Грешен и я, самолично зазвавший на телевидение Кашпиrowsкого...

На сломе эпох из всех щелей вылезают кикиморы, лешие, упыри, разного рода чревоушатели, маги, целители-экстрасенсы, предсказатели судеб. Нечто подобное творил на стадионах с людьми Кашпиrowsкий. Следуя его пассам, народ цепенел, превращаясь в сомнамбул. По редакции поползли противоречивые слухи, мол, он врач, мастер спорта по штанге, психотерапевт сборной страны по тяжёлой атлетике и, что важнее, помогает пациентам избавиться от излишков веса.

Кашпиrowsкий с помпой объявился в Москве, и я решил поприусловствовать на его сеансе. На сцену зрительного зала маг и волшебник просит подняться добровольцев. Желающих испытать острые ощущения набирается с дюжину. Кашпиrowsкий выстраивает всех в ряд и, проходя вдоль шеренги, останавливается напротив очередной жертвы, какое-то мгновение гипнотизирует её взглядом, а затем шлепком ладони по лбу отправляет клиента в нокаут, и тот, одеревенев, валится на пол. Следующие по пятам мастера ассистенты едва успевают подхватывать бедолаг под руки. Неожиданно на сцену взлетел Михаил Мамияшвили. Он подвергается аналогичному испытанию. После шлепка в лоб двукратного олимпийского чемпиона качнуло, но Михаил устоял на ногах. В повторный удар Кашпиrowsкий вложил все понастоящему. Но на сей раз Мамияшвили даже не шелохнулся. Чего-чего, а морально-волевых качеств Михаилу не занимать. Лично я сто раз бы подумал, выставлять себя на возможное осмеяние или схорониться в темноте зала. Кашпиrowsкий, заиграв желваками, процедил ему сквозь зубы:

— Линяй отсюда!

О своих впечатлениях я доложил В. И. Попову. Была достигнута договорённость записать Кашпиrowsкого, а затем обсудить — выпускать запись в эфир или положить на полку. Тем более что в него вцепились “взглядовцы”, и мне захотелось их обставить. В концертную студию в Останкино ломанулась вся столица. Я, собственно, был занят не подготовкой передачи, а распределением билетов. Дня за три, затравленный просьбами поспособствовать заполучить контрамарку, скрылся в подполье. Само выступление Кашпиrowsкого началось с чтения писем от благодарных ему пациентов, которых он избавил от смертельных хвороб. Затем его корреспонденты, в основном, тётеньки солидных возрастов, запросились на сцену, чтобы самолично засвидетельствовать излечение. Подготовив таким образом аудиторию, Кашпиrowsкий приступил к гипнотическому сеансу. Подтянутый жгучий брюнет с чёлочкой, как у парика Кобзона, замогильным голосом зачревоуещал:

— Даю установку... даю установку на лечение энуреза и включения внутреннего будильника...

Преданные адепты гуру заколебались. Кому-то стало дурно, и его вывели из зала.

— А меня не забирает, — похвалилась наш телережиссёр, прелестница Инна Дорфман. Ровно через пять минут укачало и её.

Успех передачи превзошёл все ожидания, и Кашпировский пустился во все тяжкие, ассистируя в прямом эфире из Киевской студии во время операции на брюшной полости, которую делали без наркоза женщине в Тбилиси. Джинн был выпущен из бутылки, а вернее, казачок, посланный к нам непонятно кем. Исцелитель тел и душ, выступая в Баку под убаюкивающую музыку тутека, дал установку на “бизимдырь”, то есть пожелал присутствующим умереть за возвращение Карабаха. Словом, плеснул бензинчика в костёр вновь разгорающегося армяно-азербайджанского конфликта. А упоминание им Гейдара Алиева в списке великих мировых лидеров и призывы вернуть бакинцам первородство в изобретении долмы и лаваша вызвали в зале характерные круговерчения. Так что любимец домохозяйек оказался с подтекстом, да ещё с каким!

Крещенский сочельник

В канун Богоявления я со своими друзьями-товарищами надумал съездить в Сулость, чтобы навестить духовника олимпийской сборной России в Лондоне отца Сильвестра. По преданию, именно в этом селе, под боком у Ярослава, в простой деревенской церквушке крестили Димитрия Донского. За ветхостью её давным-давно разобрали, возведя на её месте каменный храм. Молва донесла до наших дней, что на обжиг кирпичей пошли брёвнышки той самой стародавней церкви. А раз так, то закаливались они в “намоленном” огне...

Помимо прочего, меня влекло к батюшке простое любопытство. Мне было доподлинно известно, что архимандрит получил два высших образования: физико-математическое и духовное. И мне очень хотелось порасспросить его, коим образом Савл преобразился в Павла.

Уговорить своих товарищей-приятелей составить мне компанию не составило труда. Один из них, Дмитрий Георгиевич Левчук, выглядел эдаким английским снобом: сухощавое лицо, благородная проседь, спина без угодливого изгиба. Наверное, в том были виноваты его пращурсы, в числе коих значился Пётр Чаадаев. В девяностые Георгиевич работал в аппарате Президента, но группа крови у него оказалась не та.

Левчук не раз бывал на Афоне. После очередного своего путешествия он настойчивее насел на меня:

— Определись, наконец, с батюшкой, исповедуйся ему, а потом обязательно причащайся.

Дал ему клятвенное обещание всё исполнить, но набежало то одно, то другое. Да и боязнь страшила. Рассказать о своих грехах священнику решусь. Но как жить-то далее, не нарушая устава? А что, если сорвусь? Хорошо моей знакомой. Она исповедуется часто, а затем “с чистой совестью” принимается за старое. От моих недоуменных восклицаний она отмашивается:

— Ну, бывает, срываюсь, а что тут такого?

Словом, всё откладывал и откладывал свою исповедь, а потом и дотянул до прошлой весны. Раннее утро, немилосердно шпарит солнце, в вышине свиреют разные птички. Полный трудового задора, я приставляю к стволу яблоньки переносную лесенку и, взяв топор, посвистывая, лезу вверх срубать сухостойные сучки. Дело-то плёвое. Только не заметил, что на подошвах обувки грязь налипла. Нога с перекладины возьми и соскользни. Хрякнулся я спиной оземь, метров эдак с двух. Всё бы ничего. Только вот в свободном падении рукоятка топорика у меня вывернулась, и я углом лезвия, будто нунчаком, чикнул себя по переносице. Словно кто-то решил пустить мне кровь, чтобы крепко вразумить отступника. Лежу распластанный на раскисшей земле. Стекла очков залеплены глиной. Не то цел, не то по тому свету уже гуляю. Ощупал лицо, вроде всё на месте, ничего не сдвинуто. Отлежался, рану пластырем заклеил, сел за руль, дал по газам и помчал до первого придорожного храма грехи замаливать.

Другой наш пассажир тоже был моим давним знакомцем: работал в журнале, слыл компьютерным маэстро, профессионально фотографировал, но настоящим его призванием было исполнение бардовских песен. К нашему несчастью, он оказался отчаянным куракой. Приходилось тормозиться, выдворять его из машины и терпеливо ждать, пока композитор, гитарист и исполнитель собственных произведений не дослюнявит очередную сигарку. Останавливаясь, я всякий раз лез в багажник проверять, всё ли там в порядке, не растрясались ли, не расплескались ли мои заготовки? Отправляясь на Водосвятие, я понимал, что заявляться в Сулость просто так негоже. Служба, крещенская купель, морозище разовыют у прихожан зверский аппетит. А мы, родимые, тут как тут... и не с пустыми руками. У меня давненько зародилась мысль сварить для батюшки кислые щи. Но сколько едоков соберётся у него за праздничным столом — поди знай? В том-то и была загвоздка! Но мне очень уж хотелось удивить православный люд исконно русским кушаньем, о котором даже деревенские жители подзабыли. Словом, я взвалил на свои плечи непомерную задачу. Но уверенность в успехе меня не покидала. Готовлю с малолетства. Рецептов знаю множество. Конечно, трачу настряпню уйму времени, но благодарность гостей всё искупает. Многие постиг самоучкой, но щи у меня с телевизионным пошибом. Сами знаете, сколько развелось на телеке кулинарных шоу: “Возьмите пару омаров... для соуса вам понадобится полбокала сухого белого вина “Шардоне”, оливковое масло extra virgin, столовая ложка семян нигеллы, несколько ниточек шафрана, а для гарнира — пучок спаржи”. Никак гламурные ведущие с “утиными” губками, накачанными ботоксом, не возьмут в толк, что за пределами Садового кольца их кулинарные изыски за пределами не актуальны.

Так вот! Перескакивая по своей привычке с канала на канал, я случайно наткнулся на программу, в которой священник делился секретом приготовления обычных кислых щей. Рецепт был за пределами прост. Я скорёхонько воплотил его в жизнь, позвал соседа с женой, людей сугубо интеллигентных профессий. Про щи они слышали, но пробовать их им не доводилось. Вначале супруги осторожничали, затем, забелив щи сметанкой, так разохотелись, что я едва успевал им подливать. Ели — аж за ушами у них трещало. С той самой поры редко какое застолье в нашем доме обходилось без наваристых кислых щей. После того случая я вообще стал считать их самым шедевральным блюдом русской кухни, разумеется, после... паюсной икры, восьмислойного курника, няни — бараньего бока, начинённого гречневой кашей, и тушёной тыквы с мёдом и пшеном... Шучу!

Но сами понимаете, одно дело — удивить соседей, и совершенно другое — накормить десятка три, а то и более оголодавших ртов. Да и где отыскать такую кастрюлицу, чтобы щей хватило на всех, и не по одной миске. Можно было бы приготовить всё заранее, но на ухабах да крутых поворотах вареву расплескать легче лёгкого. В конце концов, решил приготовить полуфабрикаты, с ними и заявиться в Сулость. Сказано — сделано. Закупаться отправился на Москворецкий рынок. Прошёлся по рядам с соленьями. Торговки заывают:

— Молодой человек, а, молодой человек! Отведайте моей капустки. Сама квасила!

Хитрят бестии. Видят же сами, что годочков мне ого-го сколько! Но и я не промах:

— Да мне не капуста нужна, а килограммов пять счастья на вынос!

Продавицы смеются. Им ведь тоже хочется побалагурить. Взаимопонимание установлено. У всех всё пробую. Покупаю капусту забористую, хрустящую, с морковкой, и мне в благодарность наливают задарма трехлитровую банку рассола. Дома в глубокой сковороде капусту перетомил, приправил жареным лучком и за окно на мороз выставил, чтобы умягчилась и сладости набралась.

В Сулость добрались затемно. Служба в храме идёт полым ходом. Мои товарищи — в церковь, а мне — в трапезную. Там матушки-подсобницы чистят, режут, варят, столы накрывают. Я разъяснил им свой замысел, попросил поставить на газовую конфорку самую вместительную кастрюлицу и сварить

в ней картошку до состояния пюре и по готовности вызвать меня из церкви. Не ради же одних щей я отправился за тридевять земель!

Службу правил отец Сильвестр. Пристроившись в задних рядах, я пытался вникнуть в смысл молитв, урывками вспоминая послевоенные годы. Тогда патефоны — и те были редкостью, не говоря уже о подделеповатых телевизорах с экраном размером с теперешний смартфон. Они только-только начали появляться в продаже, и далеко не каждой семье телек оказался по карману. Так что по праздникам соседи по коммуналке чаще всего собирались у нас, потому что мои родители пели на славу. Иногда отец, разойдясь, басил на церковный манер: “Господу Богу помолимся...”

Меня знаками выманивают из храма. Картошка поспела. Ее истолкли, да так, что от неё и комочка не осталась. Засыпаю в кастрюлю притомлённую капусту, добавляю лаврушки, соли, чуточку чёрного перца, несколько горошин душистого, слегка подсластил варево и добавляю в щи прокалённую на сковороде мучицу для придания им густой наваристости. Сняв пробу, подливаю рассола. На кухню то и дело прошмыгивает малец лет шести-семи. Лицо озорное, глазами так и зыркает. Выясняю, что он мой тезка и занимается в секции боевого самбо. Поэтому предлагаю ему без церемоний перейти на “ты” и впредь обращаться друг к другу со словом “коллега”. Пришлось, конечно, объяснить ему, что сие слово означает.

Ну, а потом наступило то самое. По окончании службы весь народ подался к пруду. А там всё уже готово: во льду вырублена крестообразная купель, к ней проложены дощатые мостки, помещение для переодевания натоплено. Жаждущих окунуться предостаточно, а люди всё прибывают и прибывают. Ни пьяных тебе, ни башибузуков, ни рогозеев. Милиция в сторонке. И без неё полный порядок. Во всём чувствуется направляющая рука батюшки. Он появляется из храма вместе с синклитом, в полном облачении. Совершив молебен, отец Сильвестр благословляет Иордань Честным Крестом и погружает его трижды в прорубь — “низводя воду и возводя”. Звучит тропарь “Во Иордани крещающуся Тебе, Господи”. Архимандрит кропит освящённой водой во все стороны. Наступает черёд окунания. Я в середине очереди. Вот только поспешил разоблачиться — морозец больно кусач. Ищу глазами Дмитрия Георгиевича. Он затерялся в толпе. Впереди меня серьёзного вида мужик скороговоркой бубнит: “Хворым и сырм в утешение... Святая вода, погаси пламя страстей, отгони злых духов...” Очередь благообразна. Никто не пихается, не лезет вперёд. В ней на удивление много крепко сложенных ребят и ладных девчонок. Откуда их столько набралось — непонятно! Подходит мой черёд. Кто-то подхватывает свитер, кто-то протягивает руку за очками. Ступив на первую ступеньку, ловлю себя на мысли: “Молодые — понятно. А тебя-то, старого хрыча, какая нелёгкая заставляет лезть в ледяную стынь?!” И, крикнув для куража, окунаюсь в прорубь с головой. Выскакиваю из воды с вытарашенными от ужаса глазами, торопливо крещусь, ныряю второй и третий разы и — пулей наверх, обтираться полотенцем. Тело горит, в душе восторг. Натягиваю поверх всего свитер из непромокаемой и непродуваемой овечьей шерсти и скорёхонько в трапезную. Кастрюльная бадейка взгромождена в центре стола, и в ней безостановочно гуляет поварёшка...

Ну, что сказать в свою похвальбу? Кислые щи оказались наваристыми, в меру ядрёными, а главное — сытными. Слышу со всех сторон удовлетворённое мурлыканье, и меня распирает от гордости. Гляжу, мой “коллега” за второй порцией тянется. По всему видать, что доволен, раз никто спать его не гонит. На радостях он предлагает мне потягаться с ним на руках. Посуду сдвигают в сторону, освобождая нам на столе местечко для ристалища. Малец клещом вцепляется в мою кисть. Старается вовсю, пыхтит, да так, что мне остаётся лишь согласиться с ним на боевую ничью.

Возвращаемся восвояси далеко за полночь. Головы светлые, потому что самое забористое из того, что мы отведали в трапезной, были мои кислые щи. Спиртного за столом у батюшки ни-ни! Ехали, млея от сознания, что хоть на сутки, но страхнули с себя городскую суетень. И ещё — от того, что прикоснулись к чему-то сокровенному. А к чему именно — просто так и не скажешь...

Лавровская кривуля

В девяностые телевидение с утра до вечера занималось рекламным чёсом водочной продукции, табачных изделий или втюхиванием мавродиевских лохотронов. На телеканалах шла ожесточённая драчка за так называемый прайм-тайм — самое смотрибельное экранное время. Всё нерейтинговое безжалостно изгонялось из эфира. И наши спортивные программы оказались за рамками голубого экрана. Например, чемпионат мира по лёгкой атлетике, проходивший в Севилье, удалось показать лишь глубокой ночью. Мне много чего довелось повидать на своём спортивном веку, но такой упорной баталии, которую вели между собою сборные США и России, видеть не приходилось. Наши уступили, но сражались так дерзновенно, что любо-дорого было на них смотреть. Ещё чуть-чуть, и чаша весов качнулась бы в нашу сторону...

Вскоре в Белом доме принимали наших легкоатлетов, хвалили их за стойкость, особо отличившихся награждали. В завершение встречи я попросил слово. Выйдя на трибуну, извинился перед командой, потому что только полуночники смогли оценить всю напряжённость их поединков, и напрямую обратился к Владимиру Владимировичу Путину с просьбой вернуть спортивные телетрансляции на госканале на подобающее место...

Буквально через неделю-другую меня выставили на улицу. Начались судебные тяжбы, восстановление на работе. Но очень “швыдкое”, а затем и “добродетельное” начальство засадило меня... в кладовку, заставленную ломаной канцелярской мебелью, поставило телевизор и строго предупредило, чтобы я приходил и уходил с работы вовремя. На вопрос: “Чем буду заниматься?” — ответа не последовало. Ко мне были приставлены соглядатаи, которые отмечали в тетрадочке каждое моё появление на “рабочем” месте. Продержаться удалось ровно месяц, а потом в моей трудовой книжке появилась соответствующая запись: “Согласно Приказа по ВГТРК за № 692к от 18.03.2002 года уволить за совершённый прогул без уважительных причин (подпункт “а”, п-6, ст. 81 ТК РФ)”.

Всё можно было бы списать на частности, мол, не сошёлся характером с новым руководством, с кем не бывает? Через полгода в Питере состоялся чемпионат мира по хоккею. За право его показа мои бывшие теленачальники заплатили миллион долларов с хорошим гаком, по тем временам — бешеные деньги. Годом ранее за трансляцию такого же турнира, кстати, из-за границы мы потратили денег втрое (!) меньше. Так что, скорее, не личные амбиции сыграли роль в моём изгнании, а иные соображения. На швыдковском телевидении места мне не нашлось... Возможно, к счастью.

Посудил-порядил, посоветоваться со своим заместителем Борисом Гуль-тяем на предмет тягаться ли далее в судах. Он философски изрёк:

— Охолонь! У них всё схвачено. Дом в деревне — вот твоё пожизненное трудоустройство!

С деревенской идеей я носился давненько. В брежневскую эпоху садовых участков для членов профсоюзов вроде доставало! Но у меня к ним было настороженное отношение. Соискателям давалось по восемь соток в заболоченных низинах или в зонах ЛЭП. Всё это наша семья испытала на своей хребтине ещё при возведении отцовской дачки. Тресту, в котором работал отец, выделили под Гатчиной чётное аж до самого горизонта торфяное поле. Домики тогда разрешилось возводить одноэтажные, преимущественно щитовые и только летние, без печки. За каждую дощечку требовалось отчитаться квитанцией: где брал строительный материал, по сколько платил? Родители осилили дом на паях с соседом, так что на каждую семью пришлось соответственно четыре сотки земли. Приёмная комиссия пришла обмерять дом. Он оказался больше проектных размеров на восемь сантиметров. Встал вопрос о его сносе! Отец предложил компромиссный вариант — отпилить лишние сантиметры. Проверяющие матюгнулись... и махнули рукой на вопиющее нарушение закон. Года три, пока обихаживался участок, в дом через наглухо зашпаклёванные окна просачивалась чёрная взвесь. От неё першило в горле. Потом торфяную пудру обуздала зелёнка: в садиках выросли фруктовые

деревья, а на грядках заколосились редиска и укроп. Народ задружил улицами, внукам соорудили качели. Словом, на приусадебных участках удалось создать социалистический рай с человеческим лицом. Чтобы никто особо не заносился, со стороны железнодорожного полотна, впритык к дачному кооперативу, возвели огромный домостроительный комбинат размером с Чернобыльскую АЭС. По другую сторону посёлка построили свиноферму на пять тысяч голов. Соответствующее амбре витало в воздухе повсеместно. В довершение всех напастей, через посёлок проложили автостраду. Комбинатовская лимита по осени в поисках консервированного закусона или какого-нибудь алюминиевого имущества на вынос постоянно взламывала фомками двери построек. Так что на замки опытные огородники перестали тратить.

Гатчинская эпопея остудила мой пыл на долгие годы, благо я обзавёлся палаткой, рюкзаком и спальным мешком, заодно приискав себе местечко на Москве-реке, за Звенигородом, неподалёку от деревни Улитино. Там с косогора, заросшего реликтовым дубняком, на левобережные дали открывался умиротворяющий вид. Правда, добираться туда с туристской поклажей сложновато: троллейбус, метро, переполненная электричка, забитый до отказа душный автобус, бравшийся штурмом, и после нужной тебе остановки маршбросок пёхом с рюкзаком к заветному стойбищу, чтобы тебя не успели опередить конкуренты...

В тот вечер я добрался до заповедного бугра ещё засветло. Разбил палатку, разложил вещи и понял, что, кроме пергаментного кулька с фаршем, весь остальной харч забыл дома вместе с хлебом, походной сковородкой, спичками. Идти одалживаться огоньком в деревню? Но не сворачивать же бивуак? Вверх по течению маячила одинокая фигура рыбакова. У него удалось разжигать спичками. В реке нашарил плоский камень и отмыл его от тины. Быстренько сообразил костерок и, накалив отмытую жаровню до нужной кондиции, разложил на ней слеplенные на скорую руку не то кебабы, не то котлетки. Они аппетитно зашкворчали. Призрак голодной смерти истаял в наступивших сумерках. Комаров подувало ветерком, а наиболее настырных кровопийц шуганула дымовая завеса. Небо вызвездило. Я заморожённо смотрел на скомороший перепляс сполохов огня и гадал думку: кому же в нашей могучей стране, какому цековскому сусликову понадобилось гонять здорового мужика с палаткой по её долам и лесам?! Купить в деревне развалюху с помощью липовых бумаг, разумеется, было можно, но мне очень не хотелось ловчить!

Сеял мелкий дождичек. Над полем, хлопая крыльями, ни шатко ни валко летела ворона. Низина тянулась до реки. На другом берегу высилась стена леса. Порыв озорного ветерка спутал ветки скособоченных яблонек, превратив их причесоны в сплошные колтуны. Даже не верилось, что очень скоро эти карги зацветут, заневестятся... Дождь проредился, и тут же зажаворонили невидимые в выси птахи.

Я наконец-то понял, что нашёл своё, искомое: старый заросший сад, скворечники, грядки с невыкопанным картофелем, на которые в сумерках совершало набеги дикое кабаньё, и валютный вид окрестностей. Обосновавшись здесь, можно собирать мзду с посетителей просто так — за гляделки на окружающее пейзажное великолепие.

...Мне только что удалось сговориться с хозяином избы. Видок у него был ещё тот: взгляд исподлюба, скулы, обтянутые заветренной кожей, и стрижка по зековским канонам, считай, что под нулёвку. Но выставленные им условия не показались мне рваческими. Попивая из эмалированных кружек кипятков, настоянный на мелко посечённых веточках смородины, мы оговаривали детали сделки. Хозяин продавал свою избёнку если и не совсем за так, то на падающих для меня условиях, выговорив себе право проживания в верандной светёлке, пока он не срубит себе своё жилище рядом со старинным дубом, ограждённым чугунной цепью. Он высился в противоположном краю деревни, недалеко от заросшего ряской пруда. Получалось, что вырос он почти у лукоморья. Местные допризывники, окосев от самогона, обмазали его тавотом и подожгли. Спасали дуб всем миром.

— И чтобы никто пока не покушался на мои кроличьи клетки, хлев

с козочкой Розой и кабана. Я его, трёхлетку, вот этими руками в ельничке самолично скрутил. Ну и, конечно же, баньку, — добавил хозяин.

Последняя представляла из себя сооружение, похожее на летательный аппарат из кинофильма “Кин-дза-дза!”. Она с трудом вмещала в себя парильщика при венике и самодельную печурку, для разогрева которой даже в лютые морозы хватало вязанки дров...

Моего благодетеля звали Михаил. Он был из местных. Своего отца, сгинувшего на фронте осенью 1942-го, он помнил смутно. Его только разок отпустили домой на побывку. Он-то и подсказал сыну, что наши снаряды летят с музыкой, а немецкие воют и взрываются, и от них надо прятаться в погребе. Летом Михаил ходил в подпасках. Обувка у него прохудилась, и поутру от заиндевевшей травы ступни его ног превращались в ледышки. Заприметив напряжённую коровой лужу, он топтался в ней, отогревая в моче окоченевшие ноги. Закончил семилетку. Работал в колхозе, на разных должностях. После женитьбы и рождения сына лет через пять завербовался на урановый рудник в Узбекистане. Платили прилично. Деньги исправно посылал семье, разумеется, не малую толику оставлял и себе. Её доставало и на водяру, и на красную икру. В спецмагазине шахтной зоны подобного товара было вдосталь. Пили в бригадах по-чёрному. Щадящей нормой считался стакан водки после смены для промывки внутренних органов от стронция. Однажды утром он взглянул на себя в зеркало и тут же взял расчёт. Свою благоверную в деревне он не застал. Она перебралась в Москву то ли из-за непривычки к крестьянской подёнщине, то ли по какой иной, более важной семейной причине. Сын умотал в Волгоград. Так Лавров оказался в деревне в странной роли — не курящего и не пьющего бобыля. Звероферма, где выращивали элитных песцов, из-за отсутствия кормов пришла в запустение. Животноводческий комплекс разнесли по частям. Кто-то тащил шифер, кто-то загружал тягачи бетонными перекрытиями, алкаши курочили трансформаторы, сбывая за спиртное мотки медного провода перекупщикам. Из коренных жителей в деревне доживала свой век и бабка Клавдея, заброшенная родней. Она честила их почём зря и утихомиривалась разве что под Новый год. Наряжая ёлку, Клавдея доставала из закровов коробку с украшениями сплошь довенной поры: картонных попугаев, шишечки из дутого стекла, острое навершие со следами белого амальгамового покрытия, посеребрённый самовар размером с напёрсток, на бронзовых пружиночках Деда Мороза со Снегурочкой в голубых ватных шубейках. Пригубив горячительного, Клавдея принималась печалиться о лесе. Раньше, мол, детвора собирала грибы да ягоды босиком. А теперь в него и не сунешься — бурелом на буреломе.

В деревне всеми текущими делами ведал Славка, бывший гаишник, по прежней своей должности повязанный с нужными людьми района. Он оказался по всылуге лет не у дел, предпочитал всем видам одежды спортивный стиль братков и, заведя двух доbermanов, откармливал их сугубо суповыми наборами. Михаил оказался обязан ему по гроб жизни. Именно Славка способствовал тому, чтобы у Лаврова наконец-то появился свой личный транспорт. Он сторговал ему за копейку милицейский газик, выработавший дотла свой моторесурс. Михаила это не испугало. Он расстелил суконное одеяло рядом с капотом развалюхи и разложил на нём в рядок все детали и деталюшки изношенного мотора. Промыл их бензином, почистил, продул, где надо, понаждачил и, на удивление зевакам, всё вновь собрал. Машина, почихав, затарактела. Номерной знак ему не выдали. Так что на своём авто Лавров раскатывал по грунтовкам, не рискуя выезжать на шоссе. Михаил устроился было на очистные сооружения, но зарплату и там не платили. Выдали всем тем, кто числился за колхозом, пай — по шесть гектаров на душу. Их на корню скупил какой-то пройдоха, который на публику умильно крестился перед иконами, отрастил благообразную бородку и одевался в китель со старорежимными эполетами. Словом, обул он мужиков по полной, посулив каждому за пай по шесть тысяч долларов. Отслоняив трудягам по тысяче “зелёных”, он умыл руки. А те и тому были рады. Лаврову пришлось перебиваться случайными заработками.

— Миш, а Миш! Надо бы колодец углубить, штуки три бетонных колец вкопать, и чтобы с мотором и прокладкой труб в дом. За пятнашку возмёмся или прибавить?

— Не, за пятнашку не буду!

— А чего так?

— Да работа-то пустяшная. Оно того не стоит. За нее и десятки за глаза хватит.

— Миш! А нельзя ли теплицу передвинуть? Уж больно она неказиста и мозолит глаза!

— Обмозгую! — рассудительно отвечает Лавров.

Я кручусь вокруг теплицы, прикидывая, сколько мужиков надо собрать, чтобы её, сваренную из уголков, шесть на шесть квадратных метров, перетаскать на новое место. Наутро теплица стоит там, где было обозначено.

— Как тебя угораздило её передвинуть?! — наседаю я на Михаила.

— Да подложил под углы обрезки труб, получились катки, и ломиком — поддомкравчу да подвину. Так что магарыч за тобой.

Магарычом Лавров называет мой кулеш с пшеном, курицей и заправленный луковой зажаркой на смальце.

— Михаил! Давай помогу. А то ты там, стоя по колено в воде, колодезные кольца подкапываешь, по лесенке туда-сюда с бадейкой снуёшь!

— Не, не пойдёт! Тут один раззява вызвался помогать и упустил бадейку. Не подставь лестницу, разможила бы она мне башку.

Это он намекал на Альберта, моего соседа, который в расстроенных чувствах возвратился в деревеньку со своей исторической родины. Не показалось ему в Израиле, и не потому, что там сало надо было употреблять под одеялом. Жаркий спор у него вышел с двоюродным братом. И вроде разговор начался из-за пустяка: выдавать ли под пыткой секреты родины врагу сразу или какое-то время погодить? Брат, кипяťясь, утверждал, что надо раскальваться, и побыстрее. Мол, чего ради резину тянуть, если грозятся раскалённый паяльник в зад запихать. Альберт умом понимал, что брат вроде и прав, но вот так сдаваться враз ему не хотелось! И, разойдясь с братом по принципиальному вопросу, вернулся в дорогу ему российскую глубинку. Он, конечно же, был блудным сыном своего народа. Из всех заповедей Ветхого завета Альберт соблюдал лишь самую понятную — “плодись и размножайся”. Его Мариночка родила ему тройку ясноглазых девчушек, но они решили не сдаваться и усердно трудиться до той поры, пока на свет не появится кроха мужеского пола. Альберт вкалывал слесарем-автомехаником в шиномонтажной мастерской. Отдыхал, рыбача или коротая время на крыльчке, непременно с рюмочкой.

В данный момент эту незатейливую радость вместе с ним разделял и я. Мы выскребали шпроты из банки, в которой смешались разрозненные останки когда-то крупных рыбёшек прибалтийского подданства. Рыбёшек с лихвой хватало ещё на пару тостов.

— А давай-ка дёрнем за соловьёв!

— Сойдёт! — соглашается Альберт и продолжает рассказывать мне перипетии своего хождения за три моря. Я смотрю на него, не понимая, кто из нас еврейстей: он, с белёсыми глазами, с вихрами русских волос и вздёрнутой носопырой, или я, уроженец южных степей, казацкого роду-племени?

— Как там на телевизионном фронте? — интересуется моими делами Альберт. Настаёт мой черёд излить ему свою душу:

— Непонятка какая-то! Понимаешь, в своё время я застолбил в ВААПе песенный конкурс. В моей заявке, в отличие от “Голоса”, сварганенного на западный манер, были прописаны только народные песни. А в финале лауреатам должен был вторить весь зал, заполненный любителями хорового пения.

— Да! — поддакивает мне собутыльник. — Чему-чему, а кривляться по-английски конкурсантов они научили.

К возведению нового жилища Михаил близко никого не подпускает. За дубом высятся мысок из столетних елей. Они изъедены короедом и похожи на бродяг, закутанных в ошметья. Лавров пилит деревья спозаранку, обрубает сучья, сжигает их, а затем волочёт бревно “газиком”, подцепив его

тросом, к себе на участок. С помощью талей, топора и бензопилы он возводит стены своей хоромины. По его задумке под одной крышей у него должна уместиться изба, банька, колодец и дровяник, чтобы в лютую непогоду носа на улицу не высовывать. Своих гостей я вожу на его стройку словно на экскурсию. Пусть полюбуются, на что способен мужик, когда его припекут к стенке. На Мишку местная администрация точит зубы, особенно охотоведческая. Они догадываются, что Лавров то кабанчика скрадёт, то рысь в кашкан поймает. Но куда им за ним угнаться. Им с випами успевай разбираться. То им дорогу к просеке накатай, чтобы на джипах к номерам подъезжать, то зверя из чащобы выгони. Словом, всё для клиентов в солнцезащитных очках, в белых маскахалатах, с многозарядными карабинами при дорогой оптике... Михаил обставляет своих преследователей почём зря. Но не пиратничает, довольствуясь малым. Секача ему на зиму вполне хватало. Лаврову съезжать от нас не хочется. Мы хорошенько притёрлись друг к другу, да и ребятня его держит за своего.

Зимними вечерами мы засиживаемся с ним допоздна. На магнитофоне крутится бобина с народными песнями. Мы прихлёбываем смородинный чай с мёдом и калякаем о своём...

— Что там с Олимпиадой? — интересуется Михаил.

— Если по-честному, то воспринимаю её как личное унижение. Помнишь, я хвалился тем, как на Московских Играх мы работали исключительно на отечественной технике, а состав телебригад был укомплектован полностью своими спецами. А в Сочи всё наоборот. К производству международной телекартинки не привлекли ни одного из наших! И заметь — это у себя дома!

Мы горюстно качаем головами.

— Не горюй, — утешает Михаил, — зато “Удаль молодецкую” на-гора выдал!

Лавров прав. Сколько лет я носился с идеей предоставить ребятам возможность посоревноваться в народном многоборье: поиграть в лапту, в городки, поупражняться с гирей, поперегиать канат и в завершение — побороться. Года три обивал пороги разных учреждений в поисках поддержки. Если бы не помощь Саши Карелина, не добился бы президентского гранта.

И всё срослось. Самбисты из детских домов, школ-интернатов, ничего дотоле не ведавшие о лапте, носились по полю с горящими глазами. И городки им пришлись по нраву и гиря, и канат. Для психологической разгрузки ребятам подогнали скалолазную стенку, а девчонки из кадетского корпуса, с белыми бантами, в парадной форме, с аксельбантами варили для них в походной кухне солдатскую гречневую кашу. Чемпионами объявлялись те, кто в своей весовой категории набирал наибольшее количество баллов с учётом всех состязаний...

Деревня день ото дня менялась. Обрастая коттеджами, она теряла своё обличие. Какой-то прокурорский чин отгрохал себе особняк. Кованые ворота, стриженный газон, дорожки из булыжника. Генерал секретных служб выстроил финский коттедж из цилиндрованных брёвен. “Лица кавказской национальности” возвели себе на задах некое подобие укрепрайона. Деревня перестала кормить. Она превратилась в потребительницу...

Лавров построился и съехал от нас на новое место. После чего родня затюкала меня: ломай Мишкин хлев да ломай — перед людьми стыдно. А мне в нём вольготно. Заберусь на сеновал подремать, запахи вдыхаю польные, козочкой отдающие. Отсутствует в нём лишь кабаньих дух. Увеличив толщину гумусного слоя, он сиганул через перегородку загона и был таков. Но всё же близкие достали меня.

— Ладно, — согласился я, — но на месте хлева построю хату!

Когда я вернулся из командировки, в моём дворе красовалась хатынка, потому что строили её западенские хлопцы. Ну, и что прикажете мне с ней делать? И тогда я решил преобразовать её в музей крестьянского быта, благо у меня сохранилась икона с вышитым рушником, принадлежавшая моему прадеду Петру, священнику Прохоровской церкви. И откуда что потом взялось! Идёт вдоль забора дядька и окликает меня:

— Говорят, древности собираешь? Хочешь, утюг с портретом Толстого подарю?

— А при чём здесь писатель?

— Когда его анафеме предали, то к заслонке на утюгах прилаживали его изображение. Жар, дым, огонь — чем тебе не ад?

Как-то довелось мне завернуть в деревню Озерки в Липецкой области, где набрёл на разрозненные останки фундамента усадьбы, когда-то принадлежавшей Буниным. Исходив её вдоль и поперек, заметил, что из земли краюха какой-то каменюки торчит. Окопал — оказалось, жёрнов. В заросшем одичавшими яблонями кутке наткнулся на глыбы обвалившегося погреба, а там среди разного хлама — целое богатство: детские санки кружевнойковки, надтреснутая ступа из известняка, колесо прялки, ажурной резьбы колченогий стул.

Мой армейский одноклубник Виктор Лисицкий подарил мне латунный самовар. Плотник, вставлявший окна, заметив его, сказал, что у него тоже такая штукавина имеется. Немедля рванул к нему. И точно, в углу сарая торчит полузасыпанный картошкой трактирный ведёрный самоварище. Я аж дар речи потерял, спросил лишь, сколько он хочет за свою штукавину?

— Уволакивай за так!

— За так не пойдёт! — ответил я ему по Мишиному рецепту.

— Ну, тогда клади пятерку на кон, — ответил плотник.

Сошлись на двадцати тысячах. И я ещё долго испытывал чувство неловкости, будто надул бедолагу. Таким же макаром появились у меня расписные валдайские сундуки, северные прялки. Пропальвая клубнику, наткнулся на грядке на монету 1724 года с гербовым, как полагается, двуглавым орлом и надписью “Денга”. Режиссёрша, снимавшая видеосюжет о моём музее, прислала в дар валдайский колокольчик 1856 года. Недавно у меня в гостях побывал известный футболист Женья Ловчев. Осмотрел все экспонаты и заявил:

— Зауважал я тебя, зауважал!

А мне такие оценки в радость. Ведь музей обустроивал не для себя любимого...

Вплотную к лавровской сараюшке самосевом выросла яблонька. Она хильнулась было к хлеву, ища у него защиты от северных ветродуев, но его крыша придавила деревцо, закрыв ей простор. В штопорном извие яблонька вроде выпросталась из-под “хлевного” узилища, но превратилась в кривулю. Родня убеждала срубить кривулю, уж больно не авантажно она смотрелась на фоне музея. Ретивых пришлось уговорить. Яблоньку оставили в покое, памятуя о Михаиле, последнем деревенском мужике. И она потянулась ввысь на радость всей округе...